

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ

Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

ДОПУСТИМОСТЬ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Сборник статей по материалам
Всероссийского круглого стола
19 декабря 2020 года

Санкт-Петербург

2021

Д68

Допустимость показаний в уголовном процессе : Материалы Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 19 декабря 2020 г. / Под общ. ред. Л. А. Зашляпина ; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб. : Астерион, 2021. – 88 с.

ISBN 978-5-00188-065-3

Сборник посвящен актуальным проблемам состязательного типа уголовного судопроизводства, включает материалы Всероссийского круглого стола «Допустимость показаний в уголовном процессе», проходившего в Северо-Западном филиале ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург, 19 декабря 2020 г.). Издание предназначено для научных работников, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется проблемами обеспечения конституционных прав личности в сфере уголовной юстиции.

Рецензенты:

Лазарева Валентина Александровна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

Тарасов Александр Алексеевич, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

ISBN 978-5-00188-065-3

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия», 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Принятые сокращения	4
Редакционная коллегия	5
<i>Ковтун Н. Н.</i> Латентная деконструкция категории «показания» в уголовном судопроизводстве России	6
<i>Насонов С. А.</i> Проблемные вопросы допустимости показаний подсудимого о добровольности досудебного признания вины при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей	14
<i>Александров А. С.</i> Перекрестный допрос в суде как средство формирования показаний	19
<i>Белоковильский М. С.</i> Актуальные проблемы допустимости показаний эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве	24
<i>Ватутина О. Ю.</i> Допустимость показаний специалиста в суде присяжных	35
<i>Зашляпин Л. А.</i> Допустимость показаний и допустимость вопросов в допросе	40
<i>Конин А. В.</i> Объяснение как основа информационной модели будущего допроса	49
<i>Кузнецов М. Ю.</i> Влияние отступления от дословной фиксации показаний на допустимость протокола	53
<i>Машовец А. О.</i> Статус устных пояснений в уголовном процессе ...	61
<i>Панькина И. Ю., Трофимова Т. В.</i> Когнитивное интервью при допросе на предварительном расследовании	64
<i>Сидоренко Е. В., Конин В. В., Ковалева М. Г.</i> Психология допроса и критерии допустимости психологического воздействия в ходе проведения допроса	69
<i>Стрелкова Ю. В.</i> Проблемы допустимости показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при рассмотрении уголовного дела в суде присяжных	73
<i>Эйвазов А. Х.</i> Проблема допустимости свидетельских показаний по уголовным делам о преступлениях против правосудия	78
СПИСОК АВТОРОВ	86

Принятые сокращения

Конституция РФ — Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.);

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;

УПК РСФСР — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятый третьей сессией Верховного совета РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.;

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ);

ФССП — Федеральная служба судебных приставов России;

СМИ — средства массовой информации;

СК России — Следственный комитет Российской Федерации.

Редакционная коллегия

Защлятин Леонид Александрович, председатель редакционной коллегии, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук;

Конин Владимир Владимирович, заместитель председателя редакционной коллегии, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

Зейдлиц Евгения Георгиевна, член редакционной коллегии, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, судья Ленинградского областного суда в отставке;

Ковалева Марина Геннадьевна, член редакционной коллегии, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук;

Корсаков Константин Александрович, член редакционной коллегии, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

Лаврищева Ольга Мирославовна, член редакционной коллегии, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Петров Александр Васильевич, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Суханкина Людмила Ивановна, член редакционной коллегии, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья в отставке.

**Латентная деконструкция категории «показания»
в уголовном судопроизводстве России**

На основе анализа актов конституционного правосудия и последних нормативных новаций автор ставит на обсуждение нарастающие тенденции к фактической деконструкции понятия и сути категории «показания» как акта строго процессуального, объективируемого как доказательство исключительно через незыблемость установленной процессуальной формы.

Ключевые слова: показания, доказательства, допрос, уголовно-процессуальная форма, нормы и правовые позиции.

**Latent Deconstruction of the Category of "Testimony"
in Criminal Proceedings of Russia**

Abstract. Based on the analysis of acts of constitutional justice and the latest regulatory innovations, the author discusses the growing tendencies towards the actual deconstruction of the concept and essence of the category of "testimony" as an act of strictly procedural, objectified as evidence exclusively through the inviolability of the established procedural form.

Keywords: testimony, evidence, interrogation, criminal procedure form, norms and legal positions.

Как в российской теории доказательств (теории доказывания), так и непосредственно в практической сфере уголовного судопроизводства России по факту непрекаемым является тезис о том, что именно показания тех или иных участников процесса являются не только наиболее востребованным средством доказывания, но и, как правило, определяющим средством к установлению релевантно значимых обстоятельств дела. Как следствие, действующий уголовно-процессуальный закон исчерпывающе определяет виды тех или иных показаний (ч. 2 ст. 74 УПК РФ); субъектов их представления в уголовный процесс (статьи 76–80 УПК РФ), легальные формы процессуального закрепления (ч. 1 ст. 86, статьи 173, 187–191, 275–276, 277–282 УПК РФ); правила проверки и оценки для целей доказывания (статьи 75, 87–88 УПК РФ). В целом определилась в этих моментах и доктрина российского уголовно-процессуального права, особо акцентируя категоричность констатаций о

том, что показания могут считаться легитимным средством доказывания лишь при соблюдении следующих принципиальных условий:

А. Показания (как сведения (информация) о фактах и обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу), могут быть получены лишь на допросе;

В. Допрос проведен при строгом соблюдении установленной законом уголовно-процессуальной формы (с соблюдением всех требований и условий этого следственного (судебного) действия и максимальным обеспечением всех прав его участников...);

С. Допрос реализован (фактические данные — получены) надлежащим субъектом доказывания (судом, должностным лицом следственных органов, принявшим дело к своему производству; либо иным субъектом процесса — по письменному поручению органа, в чьем производстве находится дело; либо следователем (дознавателем), включенным в состав следственной группы (группы дознавателей)) [3, С. 203].

Однозначно признавая справедливость именно такой постановки вопроса к условиям и порядку получения (формирования) этой разновидности значимых доказательств, вместе с тем вынужденно констатируем факт, если не полного отказа, то значительного нивелирования сути и значения данных условий в современном уголовном судопроизводстве России. Причиной тому то ли реальные потребности практики уголовного судопроизводства России, все более «адаптирующейся» к новым социальным, нормативным и материальным условиям функционирования российского государства и общества, то ли субъективные позиции новоявленных («власть предрержащих») деятелей законотворческого процесса, формирующих исходную правовую реальность в соответствии со своим представлением о должном и сущем в процессе. И дело даже не в том, что в нормах закона уже закреплены весьма «любопытные» нормы о том, что отдельные публичные субъекты процесса получили легальное право к производству следственных действий (в нашем случае — допроса), не принимая дело к своему производству (п. 40¹ ст. 5 УПК РФ). И даже не в том, что ход и результаты этих допросов по идее «не надо» закреплять процессуально (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Системные, глубинные по сути проблемы все более объективируют «упрощенные» процессуальные формы получения показаний, ведущие к деконструкции самой сути этой категории — как явления процессуального, связанного со строгой процессуальной формой и в целом доказывания, и итоговых его результатов.

Чтобы быть правильно понятыми поясним суть данных проблем на конкретных примерах:

Во-первых, предмет нашей «тревоги»: процессуальный статус лица, дело, в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключенным с ним соглашением о сотрудничестве с прокурором (гл. 40¹ УПК РФ), и, соответственно, юридическая природа его показаний, когда в соответствии условиями соглашения это лицо свидетельствует в отношении своих соучастников по основному уголовному делу.

Как известно, процессуальный статус этого лица претерпевает явные трансформации в зависимости от того, по какому (основному или выделенному) делу мы к нему апеллируем, и на каком именно этапе уголовного судопроизводства. Все более или менее ясно лишь в той ситуации, когда речь идет о производстве в отношении этого фигуранта. В нормах гл. 40¹ УПК РФ законодатель последовательно говорит: о правилах судебного заседания и постановления приговора в отношении *подсудимого*, с которым заключено соглашение о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317⁷ УПК РФ); о том, что заседание начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного *подсудимому* обвинения (ч. 3 ст. 317⁷ УПК РФ); после чего судья спрашивает *подсудимого*, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением, и предлагает *подсудимому* дать показания по существу предъявленного обвинения (ч. 3¹ ст. 317⁷ УПК РФ). В итоге процессуальное положение этого субъекта (в рамках «своего» производства) в целом понятно и непротиворечиво по сути.

Однако все кардинально меняется в ситуации, когда этот же субъект, согласно условиям соглашения, призывается к свидетельствованию в отношении своих соучастников по основному уголовному делу. Предметом коллизии объективировались вопросы о том: в каком именно процессуальном статусе (по каким правилам) следует допрашивать этого сотрудничающего лица; является ли он субъектом уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по предмету свидетельствования. Со временем коллизия приобрела столь острый характер, что стала предметом разрешения в высшем органе конституционного правосудия России. Результатом конституционного познания стали правовые позиции, закрепленные в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко».

Поскольку заинтересованные лица вполне в состоянии изучить как общий ход рассуждений, так и основные аргументы высшего органа

конституционного правосудия, изложенные в указанном акте, акцентируем суть итоговых выводов Суда, имеющих отношение к озвученным выше коллизиям. Тем более что именно по этим лекалам, высшим органом конституционного правосудия, предложено разрешать как возникшие проблемы, так и обеспечивать права указанных лиц.

Как итожит Конституционный Суд РФ, лицо, являющееся обвиняемым (осужденным) по выделенному уголовному делу, не может при рассмотрении судом основного уголовного дела, подсудимыми по которому являются его соучастники, наделяться процессуальным статусом обвиняемого. Соответственно, это лицо не может давать показания по этому делу по правилам допроса подсудимого. Причины указанного в том, что обвиняемый, заключивший соглашение, не будучи подсудимым по основному уголовному делу, привлекается к участию в судебном заседании по этому делу лишь для дачи показаний как носитель сведений об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения этого дела. При этом именно взятые на себя обязательства предполагают его готовность при судебном разбирательстве по основному уголовному делу сообщить сведения, изобличающие соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, а равно иные сведения, отвечающие критериям полноты и достоверности показаний, касающихся релевантно значимых обстоятельств по делу.

Исходя из указанных обстоятельств, лицо, заключившее соглашение, может быть допрошено по основному делу исключительно в качестве участника, располагающего сведениями об обстоятельствах совершения преступления подсудимыми по основному уголовному делу и вызванного в суд по ходатайству стороны обвинения. Поэтому, его допрос (при отсутствии в УПК РФ специальной процедуры) должен производиться по аналогии с процедурой заслушивания показаний свидетелей, но с учетом особенностей его особого правового положения в данном процессе (п. 31 пост.). Среди этих особенностей, в частности недопустимость предупреждения этого лица об ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний; ограничение перекрестного допроса этого лица нормами ст. 51 Конституции РФ [2, С. 23].

Таким образом, резюмирует высший орган конституционного правосудия, данное лицо в силу особенностей своего правового положения в (особом) уголовном процессе: *не является подсудимым (обвиняемым)* по основному уголовному делу; и в то же время, связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, *не является свидетелем* по основному уголовному делу. Видимо, это некий особый («особо ценный») свидетель.

Поскольку в соответствии с новациями, внесенными в нормативное регулирование Законом от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ как суды общей юрисдикции, так и иные правоприменительные органы не вправе применять закон иначе, чем в истолковании, предложенном Конституционным Судом РФ [3, С. 17], федеральный законодатель принял к сведению позиции высшего органа конституционного правосудия. Федеральным законом от 30 октября 2018 г. УПК РФ дополнен новой статьей 56¹: «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве», в нормах которой в той или иной мере инкорпорированы правовые позиции высшего органа конституционного правосудия. Казалось бы, обсуждаемая проблема исчерпана, и более нет оснований к тому, чтобы муссировать проблемы «особого статуса» лица, заключившего соглашение о сотрудничестве и так полезно свидетельствующего в отношении соучастников.

Увы, на наш взгляд, проблемы указанного свидетельствования, напротив, весьма обострились. Поясним. Как уже отмечалось, краеугольным камнем российской теории доказательств является тезис о том, что фактические данные (сведения о фактах; ч. 1 ст. 74 УПК РФ), сформированные в ходе уголовного судопроизводства, могут быть признаны в качестве доказательств по делу лишь том случае, если они получены из источника указанного в законе. Виды этих источников указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Известно и то, что перечень данных источников является исчерпывающим, расширительному толкованию он не подлежит. Не менее известно и то, что при проверке доказательств управомоченный субъект прежде всего обязан проверить законный источник получения сведений (ст. 87 УПК РФ). Эти же требования закреплены к такому элементу процесса доказывания, как оценка доказательств (ст. 88 УПК РФ), где установление факта нелегитимности источника происхождения сведений (фактических данных) а priori влечет признание их недопустимости для процесса доказывания.

Повторы в этих (общеизвестных) моментах оправданы лишь постольку, поскольку позволяют суммировать: перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ не включает в себя такого легального источника доказательств, «как показания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Показания свидетеля, потерпевшего в этом перечне есть; показания обвиняемого, подозреваемого — также известны. Показаний лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, и не являющегося, по мнению высшего органа конституционного правосудия,

ни обвиняемым в ходе «свидетельствования» по основному уголовному делу в суде, ни собственно свидетелем, в указанной норме нет. Нет исследуемого источника доказательств (источника «показаний») и в иных нормах УПК РФ.

В итоге по букве закона сведения из этого «источника» лишены легитимной основы; они а priori недопустимы для процесса доказывания ни как доказательства, ни как «решающие» доказательства стороны обвинения, несмотря на акцентируемую ценность этих «свидетелей». Формируя правовые позиции и заключительные положения по предмету спора, Конституционный Суд РФ не обсуждает эти моменты, не «видит» негативных моментов предложенного им статуса «особо ценного свидетеля» на стороне обвинения. Судам общей юрисдикции эти моменты также неинтересны; процесс отправления правосудия по основному делу идет «...по накатанной»; к чему множить сущности с негативными и далеко идущими правовыми последствиями. Так и до переосмотра всей массы постановленных приговоров в этом «особо ценном» порядке (гл. 40¹ УПК РФ) можно по идее «додискутироваться».

Скорее всего, не надо апеллировать и к тем правовым позициям Суда, по сути которых доказательства, полученные с нарушением норм УПК РФ и призванные к обоснованию обвинения, должны (по смыслу ст. 49, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ) признаваться недопустимыми; в итоге они не могут быть положены в основу выводов и решений по уголовному делу (Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П; Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О).

Конституционный Суд РФ, отметим, «не апеллирует». Более того, продолжает «упорствовать», предлагая судебной-следственной практике, свое видение сути и процессуальной формы объективации «показаний». Примером тому является постановление этого органа от 7 июля 2020 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева».

Напомним: предметом проверки Суда явился категорический запрет закона допрашивать в качестве свидетеля судью или присяжного заседателя об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по этому делу (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Между тем практика отправления правосудия объективировала ситуации, при которых вопрос о правосудности приговора, основанного на вердикте присяжных заседателей, требует обязательного исследования утверждений о том, что фактически на присяжных в сове-

щательной комнате оказывалось неправомерное воздействие, которое могло повлиять на суть их итоговых выводов в вердикте. Являясь существенным нарушением закона (п. 8 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ), данный факт всегда подлежит проверке судом апелляционной инстанции как на основе (соответствующего) заявления сторон, так и по представленным в суд материалам (п. 4 пост.).

Однако в рамках этой проверки суд вышестоящей инстанции сталкивается с практически непреодолимой коллизией. С одной стороны, по нормам ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела. С другой, по нормам ч. 3 ст. 56 и в соответствии с нормами гл. 42 УПК РФ присяжный заседатель, входящий в состав суда, не может в том же деле иметь статус свидетеля. Как следствие, он не может вызываться на допрос и давать показания по правилам статей 187–190, 278, 278¹, 389¹³ УПК РФ. Иное противоречило бы предназначению суда, разделению процессуальных функций участников процесса, как они определены Конституцией РФ.

Высший орган конституционного правосудия нашел «решение» этой проблемы. Суд итожит: информация об общении присяжных с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств дела, о стороннем воздействии на них при обсуждении вердикта и при голосовании, о присутствии в совещательной комнате иных лиц, помимо присяжных, свидетельствует о нарушении норм УПК РФ. Однако в контексте п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ она не может расцениваться в качестве сведений, ставших известными присяжным в связи с участием в производстве по делу. Не является она и сведениями, составляющими тайну совещания присяжных, а потому эта информация может стать предметом изучения и оценки суда вышестоящей инстанции, в том числе с привлечением к разрешению данного вопроса самих присяжных заседателей.

Как следствие, нормы п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ никак не препятствуют суду вышестоящей инстанции пригласить в судебное заседание присяжных заседателей для выяснения (истинных) обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений норм УПК РФ при обсуждении и вынесении вердикта. Правда, *без придания им процессуального статуса свидетеля*, ибо в рамках судебных действий они не свидетельствуют перед судом, а *дают пояснения* по поводу указанных (проверяемых) действий. Юридическую природу указанных пояснений и правомерность их использования в качестве оснований для отмены приговора суда первой инстанции, Суд, естественно, не поясняет. Не разъясняет и то, следует ли (отныне) считать эти пояснения

разновидностью источников доказательств по делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), а саму информацию – разновидностью фактических данных? Следует ли этих (полезно «поясняющих») лиц предупреждать об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний; разъяснять ли им нормы ст. 51 Конституции РФ, иные права в указанном заседании?

Нам могут вполне возразить, что последнее — явно излишне, ибо показаний здесь в наличии нет. Действительно, нет; но их, как известно, нет и в стадии возбуждения уголовного дела, ибо допросы на указанной стадии запрещены категорически. Тем не менее по нормам Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ ответственность за заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста (ч. 1 ст. 307 УК РФ) распространена уже в целом на досудебное уголовное судопроизводство, а не на стадию предварительного расследования (как ранее).

В итоге не только высший орган конституционного правосудия, но и законодатель, все смелее «дифференцируют» процессуальное понятие показаний, на его «удобные» упрощенные виды. А если по факту, то все более солидаризируясь с «неправильными» позициями ЕСПЧ, по сути которых показания можно вполне усмотреть и в протоколе явки с повинной, и в протоколе проверки показаний на месте, и в иных следственных действиях, где объективируется вербальная информация. Был бы запрос.

Как следствие, вариантов для оптимизации судебно-следственной практики не так уж и много, ибо надо:

— либо, с каждой новой «новацией», незамедлительно вносить соответствующие изменения в перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ («купируя» проблемы и дискуссии о «ненадлежащих» источниках фактических данных);

— либо апеллировать к новым разъяснениям-нормам со стороны высшего органа конституционного правосудия, законодателя, пленума, доктрины о сути и перечне критериев допустимости показаний;

— либо властно закончить неудобные дискуссии и сомнения по этим моментам, как явно надуманные и идеологически вредные для законного, обоснованного и эффективного отправления национального правосудия. Особенно по тем категориям преступлений и дел, ради эффективного расследования и рассмотрения в суде которых, собственно и «изобретаются» удобные варианты и разновидности «показаний» в уголовном судопроизводстве России.

Список литературы:

1. Ковтун, Н. Н. «Немягкая сила» актов конституционного правосудия / Н. Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. — 2017. — № 2. — С. 13–18.
2. Ковтун, Н. Н., Лапатников, М.В. Особо ценный свидетель стороны обвинения – «не кантовать!» / Н. Н. Ковтун, М. В. Лапатников // Мировой судья. — 2020. — № 6. — С. 19–26.
3. Уголовный процесс России: Учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; Научн. ред. В.Т. Томин. — М: Юрайт-Издат, 2003. — 821 с.

Насонов С.А.

Проблемные вопросы допустимости показаний подсудимого о добровольности досудебного признания вины при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей

В публикации рассмотрены проблемные вопросы, возникающие при оспаривании подсудимым добровольности своих показаний, в которых он признавал свою вину, оглашенных в судебном заседании с участием присяжных заседателей по ходатайству государственного обвинителя. В судебной практике суда присяжных признаются существенных нарушением уголовно-процессуального закона три формы оспаривания подсудимым добровольности: указание на вынужденный характер признательных показаний без конкретизации причин недобровольности; указание на недобровольный характер показаний с детализацией причин этого; намек на недобровольность показаний. В статье сделан вывод, что такие подходы судебной практики снижают объективность оценочной деятельности присяжных заседателей и порождают эффект «неоспоримого доказательства». Автор предлагает расширить возможности исследования причин недобровольности досудебных показаний с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: защита по уголовному делу; производство в суде присяжных заседателей; незаконное воздействие на присяжных заседателей.

Problematic Issues of the Admissibility of the Defendant's Testimony about the Voluntariness of the Pre-Trial Admission of Guilt Considering a Criminal Case by a Court with the Participation of a Jury

Abstract. The publication addresses the problematic issues that arise when the defendant challenges the voluntariness of his testimony, in which he admitted his guilt, read out in a court hearing with the participation of a jury at the request of the public prosecutor. The practice of the jury trial recognizes three forms of challenging the defendants' voluntariness as significant violations of the criminal procedure law: an indication of the forced nature of confessions without specifying the reasons for the involuntary participation; an indication of the involuntary nature of the testimony, detailing the reasons for this; a hint of involuntary testimony. The article concludes that such approaches of judicial practice reduce the objectivity of the assessment activities of jurors and generate the effect of «incontrovertible evidence». The author proposes to expand the possibilities of researching the reasons for involuntary pre-trial testimony with the participation of jurors.

Keywords: criminal defense; court trial by jurors; investigation on victim's and witness's identities; unlawful influence on jurors.

В зарубежной науке уголовно-процессуального права утвердилась точка зрения, согласно которой современное доказательственное право является порождением производства в суде с участием присяжных заседателей [1]. Такая позиция представляется бесспорной, как минимум, применительно к упразднению формальной теории доказательств, что было обусловлено распространением именно этой формы уголовного судопроизводства. Не обладая юридическими познаниями, присяжные заседатели были не в состоянии оперировать сложной системой фикций, презумпций и предустановленной доказательственной значимостью, для оценки представленных им доказательств. В итоге приоритет приобрела свободная оценка доказательств, ставшая впоследствии одним из принципов уголовного судопроизводства во всех уголовно-процессуальных системах.

Парадоксом современной российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей является проявление в судебной практике наиболее существенного элемента упраздненной формальной теории доказательств: о «лучшем» доказательстве — показаниях обвиняемого, в которых тот признает свою вину. О ключевом значении этого доказательства для присяжных писал еще Уильям Уилз, который указывал, что самосохранение «обыкновенно предохраняет разумное суще-

ство от показаний, которые могут повредить его интересам и личной безопасности, если только эти показания не вынуждаются угрызениями совести» [3, С. 60].

В российской судебной практике, при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей довольно часто исследуются досудебные показания подсудимого, которые оглашаются по ходатайству стороны обвинения при наличии оснований, предусмотренных ст. 276 УПК РФ. Однако оспорить достоверность этого признания вины практически невозможно, поскольку любые показания подсудимого о недобровольности досудебного признания вины признаются председательствующим недопустимыми, а попытка оспорить эту недостоверность — незаконным воздействием на коллегии присяжных заседателей.

Анализ судебной практики позволяет выявить три формы оспаривания подсудимым в суде с участием присяжных заседателей добровольности досудебного признания вины, которые признаются апелляционной и кассационной практикой существенным нарушением уголовно-процессуального закона: 1) указание на недобровольный характер показаний с детализацией причин этого; 2) указание на вынужденный характер признательных показаний без конкретизации причин недобровольности; 3) намек на недобровольность показаний.

К первой форме такого оспаривания относятся показания подсудимого, в которых тот не только утверждает о вынужденности (недобровольности) своих ранее данных показаний, но и указывает конкретную причину, побудившую его к даче таких показаний.

Так, соответственно Апелляционному определению Саратовского областного суда от 11 июня 2020 г. по делу № 22-1359/2020 подсудимый С. в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей утверждал, что никогда ни в чем не признавался. Что было написано в его первоначальных признательных показаниях, он не знает, поскольку очков у него не было, он не видел, что там было написано. Он не хотел ничего подписывать, но его заставили подписать, также утверждал, что в отделе полиции он ни в чем не признавался, говорил, что никого не бил.

По другому делу, как это следует из Апелляционного определения Московского городского суда от 20 ноября 2019 г. по делу № 10-20954/2019, приговор был отменен, поскольку в ходе судебного разбирательства подсудимый К. в присутствии присяжных заседателей заявил, что он оговорил себя под незаконным воздействием сотрудников полиции, что его "избили", "... пытки были".

По делу С. оспаривание подсудимым добровольности своего досудебного признания в присутствии присяжных заседателей выражалось в следующем: «В ходе допроса Соскова М.В. стороной защиты неоднократно выяснялся вопрос об обстоятельствах получения его показаний на предварительном следствии. При этом Сосковым М.В. в присутствии присяжных заседателей, несмотря на предупреждения председательствующего, было сказано, что никаких показаний на предварительном следствии он не давал, показания были получены под давлением. После чего адвокатом Г. было указано, что в протоколе проверки показаний на месте отсутствуют подписи обвиняемого. Адвокатом Ф. также задавались вопросы о том, давались ли Сосковым М.В. на предварительном следствии признательные показания, показывал ли Сосков М.В., куда выбросил нож, на которые подсудимый отвечал, что таких показаний не давал, куда выбрасывал нож, не показывал». Этот пример взят нами из Кассационного определения Верховного Суда РФ от 11 февраля 2013 г. № 33-О13-1сп.

Ко второй форме такого оспаривания относятся показания подсудимого, в которых тот утверждает о вынужденности (недобровольности) своих ранее данных показаний, но не указывает конкретную причину, побудившую его к даче таких показаний (указывает ее неконкретно).

Так, по делу П. после оглашения государственным обвинителем протоколов допроса П. в качестве подозреваемого и обвиняемого от 17, 18 и 24 марта 2019 г. и протоколов проверки показаний на месте с участием П. от 16 и 18 марта 2019 года, где он давал признательные показания в убийстве потерпевшей... и в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшему..., подсудимый П. в присутствии присяжных заседателей заявил, что он вынужден был оговорить себя под воздействием *разных обстоятельств* (Апелляционное определение Саратовского областного суда от 2 июля 2020 г. по делу № 22-1510/2020).

Третья форма оспаривания подсудимым добровольности ранее данных показаний, в которых он признавал себя виновным, состоит в намеке на вынужденность и недостоверность этих показаний.

Так, например, подсудимый В. в присутствии присяжных заседателей дал показания, что что ему не позволено назвать причину, по которой он оговорил себя, так как это относится к процессуальным моментам, на вопросы государственного обвинителя пояснил, что «... я загнан в какие-то рамки. Сейчас не могу сказать то, что если бы все услышали, то все бы поняли» (Апелляционное определение Мурманского областного суда от 18 мая 2020 г. по делу № 22-447/2020)

Во всех приведенных примерах, независимо от названных форм, суды апелляционной инстанции посчитали, что подсудимые, оспаривая добровольность ранее данных показаний, «поднимали вопросы о допустимости собранных по делу доказательств», что прямо противоречит запрету, установленному частями 6, 7 ст. 335 УПК РФ, и, следовательно, делает сами эти показания недопустимым доказательством, которое было исследовано с участием присяжных заседателей.

Представляется, что такой подход основан на предметном, а не функциональном принципе разграничения полномочий между присяжными заседателями и председательствующим. На наш взгляд, буквальное содержание и смысловая нагрузка ч. 7 ст. 335, ч. 2 ст. 336 УПК РФ, не предполагают ограничение познавательной компетенции присяжных заседателей неким, заранее заданным, набором фактов — предметом (или только «вопросами факта»). Напротив, законодатель относит к компетенции присяжных исследование всех доказательств и установление всех обстоятельств дела, которые позволят им осуществить функцию разрешения дела, т.е. использует функциональный подход. Разница между предметным и функциональным подходами к разграничению указанных полномочий чрезвычайно существенна. Так, именно предметный подход, в случае хотя бы малейшего «вкрапления» правового аспекта в содержание того или иного доказательства, исключает его исследование перед присяжными заседателями [1, С. 264–267]. Именно поэтому во всех рассмотренных выше случаях, указанные показания подсудимых были признаны недопустимыми доказательствами, поскольку они были даны в нарушение запрета исследовать перед присяжными правовые вопросы (в каждом из приведенных примеров можно усмотреть указание на нарушение процессуальной формы допроса). Однако функциональный подход всегда отдает приоритет реализации присяжными своих полномочий и, если эти показания позволяют им оценить достоверность представленных стороной обвинения доказательств, они должны быть доведены до присяжных заседателей.

Необходимо отметить, что в постановлении ЕСПЧ по делу Утвенко и Борисов против Российской Федерации от 5 февраля 2019 г. констатировано нарушение права на справедливое судебное разбирательство, вследствие запрета подсудимому оспаривать перед присяжными заседателями добровольность своих досудебных показаний, в которых он признавал себя виновным. Таким образом,

необходимость следования функциональному подходу — требование, обусловленное наличием прецедентной практики ЕСПЧ.

Подобная модификация рассматриваемого подхода уже находит отражение в судебной практике.

Так, по одному из дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей, суд апелляционной инстанции не усмотрел нарушения закона при выяснении у допрашиваемого: читал ли он свои показания, записанные в протоколе. Как отмечается в апелляционном определении, сторонами выяснялся вопрос не о допустимости этого доказательства, а о достоверности показаний свидетеля (Апелляционное определение Рязанского областного суда от 25 мая 2020 г. № 22-203/2020).

Таким образом, необходимо радикально изменить подход, сложившийся в судебной практике, предоставив подсудимому возможность объяснить присяжным заседателям причины дачи им недостоверных показаний на стадии предварительного расследования.

Список литературы:

1. Калинкина, Л. Д., Соткова В. В. О дозволениях через призму запретов в суде с участием присяжных заседателей / Л. Д. Калинкина, В. В. Соткова // Социально-политические науки. — 2018. — № 5. — С. 264–267
2. Насонов, С. А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению / С. А. Насонов // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 6. — С. 1215–1221.
3. Уильз, У. Опыт теории косвенных улик, объясненный примерами / У. Уильз. М., — типография Грачева и Ко, — 1864.
4. Thayer J. В. A Preliminary Treatise on Evidence / J. В Thayer. Boston, 1898.

Александров А.С.

Перекрестный допрос в суде как средство формирования показаний

Пока в российском экспертном сообществе не установится нормальная — состязательная точка зрения на уголовно-процессуальные явления, вопрос о допустимости показаний не будет иметь верного ответа. Понимание сущности личного доказательства будет подменяться

мелочными разборками о том, как формируются показания в следственном процессе. Отвергнута должна быть сама следственная уголовно-процессуальная технология формирования личных доказательств. Только перекрестный допрос должен решать судьбу личного доказательства в состязательном суде.

Ключевые слова: личное доказательство, показания, перекрестный допрос, уголовный процесс.

Cross-Examination in Court as a Means of Forming Testimony

Abstract. Until a normal adversarial point of view on criminal procedural phenomena is established in the Russian expert community, the question of the admissibility of testimony will not have a correct answer. Understanding the essence of personal evidence will be replaced by petty show-downs about how testimony is formed in the investigative process. The very investigative criminal procedural technology of forming personal evidence should be rejected. Only cross-examination should decide the fate of personal evidence in an adversarial trial.

Keywords: personal evidence, testimony, cross-examination, criminal procedure.

«У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь, оплевывать друг друга».

Дмитрий Кедрин, «Кофейня».

Встреча процессуалистов в формате оппонентского круга не привела к дивным открытиям. Но зато позволила еще раз убедиться в том, как далека отечественная наука от понимания того, каким должно быть отечественное уголовно-процессуальное право и его отдельные институты.

Стоя на позициях догматизма и имея в виду только действующий кодекс и практику его извращений официальным правоприменителем, невозможно определиться со справедливым правовым стандартом формирования личных доказательств.

Сразу поясняем, что под личным доказательством понимается уголовное судебное доказательство, сформированное на основе сообщения лица о фактах, подлежащих установлению.

В идеале личное доказательство должно быть сформировано только в ходе судебных допросов — непосредственно в судебном заседании перед судьей. Поскольку перекрестный допрос является критическим и

решающим приемом проверки и исследования показаний, постольку он предоставляет судье возможность правильно их оценить и принять решение об их использовании. Отсюда заключаем, что показание становится фактом после того, как будет проверено на судебном следствии перекрестным допросом. Это естественный и разумный вывод в контексте состязательной уголовно-процессуальной системы.

Процессуалист, как и любой человек, осмысливает реальность через призму категориального аппарата. Этот категориальный аппарат в процессуалистике представлен в двух видах, каждый из которых выражает идеологию следственную или состязательную.

Можно видеть картину процессуального мира в состязательном или следственном свете. У современного ученого-процессуалиста, нормотивиста по воспитанию, по традиции этот взгляд замутнен по причине мутности (смешанности) того интеллектуального прибора, которым он пользуется — официальной доктрины и системы понятий, в которых она воплощена. Вроде бы декларируются правильные истины, а технологии их поддерживающие, закрепленные в позитивном праве и понятиях их отражающих — негодные.

Состязательность и справедливость никем не ставятся под сомнение, все их признают. Но гарантом их вместе с тем признают следователя, следственную власть. Странная вера у русских людей. Более естественным было бы недоверие к любому государственному органу, тем более, уверяющему нас в том, что он способен установить «объективную истину». Имеется в виду Следственный комитет РФ во всем его пиаре.

Кто у нас субъект уголовно-процессуального доказывания? Вроде бы наряду с органами, ведущими уголовное дело, участвовать в доказывании могут представители обеих сторон — частные лица. Однако участие в доказывании не означает «формировать доказательства». Монополией на формирование доказательства путем составления протоколов следственных действий у нас обладают исключительно должностные лица органов предварительного расследования. И чтобы ни говорили ученые о доказательственном значении этих протоколов — протокол следственного допроса и его оглашение в суде является основной технологией формирования личных доказательств в суде. Это правовая реальность, эмпирический опыт.

Четкое идеологическое позиционирование дает правильный взгляд на вещи. Позволяет дать ответы на вопросы: кто, что, где, когда и как. В следственном процессе следователь формирует личное доказательство, проводя допрос лица и фиксируя его показания в протоколе. Сам инсти-

тут уголовного дела предназначен для того, что следственная власть могла информировать судью о преступлении и преступнике, которого он называет. Не свидетель информирует судью, а его показания, содержащиеся в уголовном деле — продукте следователя. Эта информационная зависимость суда от следствия и есть секрет формирования личных доказательств. Никакие красивые слова и даже тексты этого не изменят.

Состязательная (диспозитивная) идеология постулирует, что стороны сами решают судьбу дела и доказательств. Сторона является хозяйкой своих доказательств, формирует их и решает вообще — проводить доказывание или признать факты (против себя). В состязательном процессе не следователь, и даже не суд формирует личное доказательство, а стороны. Стороны проводят в суде допросы и формируют своими вопросами показания. Суд играет субсидиарную роль в этом процессе.

В права стороны на доказывание входит право на отказ от доказывания и, в том числе, право на отказ от проведения перекрестного допроса свидетеля противника, отказ от постановки ему вопроса. Если сторона не спорит о фактах, то могут быть допущены (в отсутствие возражений с ее стороны) любые материалы, подтверждающие правоту противника. В бесспорных делах — допустимо все, что доказывает.

Если говорить о личных доказательствах, то в ситуации непротивления оппонента, судом могут быть приняты устные сообщения о фактах в любой форме: объяснений, пояснений, явок с повинной, рапортов, документов, составленных оперуполномоченными, адвокатских опросов и пр. Может быть допущено все, что позволяет правильно установить факты.

Но если есть возражение против личного доказательства, возникает проблема допустимости. Вопрос о допустимости, на мой взгляд, возникает тогда и там, когда и где сторона ставит под сомнение (законность) получение сообщения и сам носитель информации; оспаривает те или иные свойства этого доказательства.

Таковая общая схема рассуждений о допустимости показаний в уголовном процессе. Понятно, что любая идеология — абстракция. В природе нет идеальных правовых, процессуальных систем. Любая уголовно-процессуальная система — это смесь элементов состязательности и следственности. Но есть некие критические точки, по которым можно диагностировать систему. Таковой надо признать точку готовности доказательства: следственное личное доказательство формируется следователем. На этом стоит современный российский уголовный процесс, включающий предварительное расследование и стадию возбуждения уголовного дела в свою структуру. Так что вопрос о переходе на спра-

ведливую — состязательную технологию формирования личных доказательств не решить без реформы предварительного расследования.

Уголовно-процессуальная технология формирования показаний, как личных доказательств — показательна в плане характеристики базового отношения между человеком и государством. Она показывает место человека в правовой системе. Предельно обобщая и выводя процессуально-правовую проблематику на экзистенциальный уровень, можно поставить вопрос: я сам или «начальник» за меня решает мою судьбу¹ в суде или в любом другом публичном вопросе. Понятно, что любой свободный человек сам должен самостоятельно защищать свои права и свободы, честь и достоинство. Поэтому вопрос получения показаний достоин конституционно-правового регулирования.

Одной из неотложных, решительных мер судебной реформы стало бы внесение в Конституцию нормы о праве обвиняемого на перекрестный допрос основных свидетелей, избличающих его в преступлении (в ст. 47 Конституции РФ, например). Это право должно быть обоюдным. И составлять часть более фундаментального права человека на самозащиту: право обвинять и защищаться от обвинения, право применять любое оружие для обороны, наконец — право на восстание против тирании.

В заключение сформулирую определение допустимости показаний в уголовном процессе. Любое устное сообщение о доказываемых фактах, предоставленное судье непосредственно или посредством любого способа (документ, теле-коммуникационный канал связи, инет и пр.), может быть принято (допущено) им в качестве личного доказательства при наличии одного из двух условий: или после проведения перекрестного допроса лица или вследствие отказа от его проведения стороной, против которой оно дается.

Править текст действующего кодекса бесполезно — в него заложена порочная модель, проще принять новый, следуя примеру наших бывших родственников по правовой (советской) семье, а именно: Украины, Казахстана, Грузии, стран Балтии. Появление в тексте кодекса норм о перекрестном допросе — знак того, что уголовно-процессуальное право достигло некоего уровня развития, позволяющего квалифицировать его народ и правительство как цивилизованные, вошедшие в ряд демократий (не «суверенных»), а демократий в их классическом (афинском) понимании.

¹ Выражения типа: «Вы начальство, вам виднее», «Я начальник — ты дурак» говорят лучше всего о привычке русских людей решать публичные вопросы. Но то, что уместно для пролетария, несовместно с «аристократией духа», которая должна быть у элиты — научного сообщества. (Примечание автора).

Есть одна недопустимая вещь — беспринципность, отсутствие идеалов и воли к борьбе за них. В отечественной уголовно-процессуальной традиции есть эта беспринципность, сервильность, готовность прислуживать власти. Нет независимого экспертного знания. А потому, когда у власти пробудится интерес к очередному переустройству (судебной реформе), она прибегнет к помощи иностранных специалистов, зная, что своей — экспертной, интеллектуальной среды нет.

Белоковильский М.С.

Актуальные проблемы допустимости показаний эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве

Статья посвящена вопросам допустимости доказательств таких видов уголовно-процессуальных доказательств, как показания эксперта и как показания специалиста. Несмотря на то, что УПК РФ расширил возможности стороны защиты (и иных невластных участников процесса) по представлению в суд доказательств, полученных с помощью специальных познаний, судебная практика ориентирована на сужение этих возможностей. В обосновании такой позиции суды прибегают к расширительной трактовке недопустимости доказательств. Особенно ярко эта тенденция проявляется в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовный процесс, допустимость показаний, показания эксперта, показания специалиста.

The Actual Problems of Admissibility of the Expert's and Specialist's Testimonies in Criminal Process

Abstract. The article concerns the questions of the admissibility of such kinds of evidences in criminal process as expert and specialist testimonies. Even though the Criminal Process expanded the possibility of the defense (and other non-powerful participants in the process) of presentation of evidences collected by means of special knowledge, the judicial practice oriented on contraction of these features. Courts grounds in this question on the broad interpretation of the admissibility of evidences. This trend manifests itself more brightly in jury trial.

Keywords: criminal procedure, admissibility of testimony, expert testimony, evidences.

Роль специальных познаний в уголовном судопроизводстве неуклонно увеличивается. Соответственно, возрастает научный и практический интерес к вопросам допустимости доказательств, полученных с применением специальных познаний, в частности, показаний эксперта и показаний специалиста.

Перед тем, как приступить к рассмотрению заявленной в наименовании темы, обозначим критерии допустимости уголовно-процессуальных доказательств вообще.

Обычно выделяют три или четыре общих критерия допустимости уголовно-процессуальных доказательств:

- 1) получение их надлежащим субъектом;
- 2) из надлежащего источника;
- 3) в ходе производства надлежащего следственного (судебного) или иного процессуального действия;
- 4) соблюдением требования указанного следственного (судебного) или иного процессуального действия.

Полагаю необходимым дополнить эти общие критерии допустимости доказательств еще двумя общими:

5) соблюдением в ходе получения доказательств требований иного процессуального закона (в том случае, если формирование доказательства, помимо УПК РФ, регламентировалось также требованиями иных федеральных законов (это вытекает из более широкой, чем в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, формулировки запрета на использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ; в частности Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (с изм. и доп.), федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.), «Об адвокатской деятельности адвокатуры в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.);

6) проверяемостью доказательства (данное требование вытекает из ст. 87 УПК РФ, содержащее положение о проверке доказательств).

Последнее требование, во-первых, охватывает запрет на исследование показаний потерпевшего, свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Во-вторых, оно относится к доказательствам, процессуальная форма которых не регламентирована или недостаточно регламентирована УПК РФ (это относится, в частности, как к сведениям, полученным в ходе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокату-

ре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, так и к таким нерегламентированным и, заметим, достаточно поздно получившим статус уголовно-процессуального доказательств (т.е. в перечень средств доказывания, закрепленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ) как заключение и показания специалиста (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Также следует выделить два специальных критерия допустимости доказательств, относящихся к производству в суде с участием присяжных заседателей: 1) процессуальные документы, оценка которых не входит в компетенцию присяжных как судей; 2) доказательства, могущие вызвать в присяжных заседателей несправедливое предубеждение против подсудимого.

Перейдем к вопросам допустимости показаний носителей специальных познаний. Выделяют следующие виды носителей специальных познаний, чьи показания являются источником уголовно-процессуальных доказательств:

1). *Показания сведущих свидетелей*, иными словами, свидетелей, т. е. лиц, созданных обстоятельствами самого преступления и случайно обладающих специальными познаниями в определенной сфере, и по этой причине имеют возможность сообщить о воспринятом ими с учетом с этих специальных познаний) (УПК специально не регламентирует этот вид доказательств, они оцениваются по общим правилам оценки доказательств как обычные свидетельские показания).

2). *Показания специалиста*. Характерно, что не каждое лицо из категорий лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, посвященной статусу специалиста, может быть допрошено в качестве специалиста.

Необходимо отметить, легальное определение понятия «специалист», закрепленное в ч. 1 ст. 58 УПК, по сути является перечислением категорий лиц, выполняющих довольно-таки отличные друг от друга функции», включая в себя «лиц, обладающих специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» «специалист, участвовавший в производстве какого-либо следственного действия, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах его производства в качестве *свидете-*

ля. Показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве *свидетеля*».

Цель же допроса носителя специальных познаний, специально допрашиваемого для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, именно сведения из сферы специальных познаний, какими этот специалист обладает.

Согласно ч. 4 ст. 80 УПК РФ показания специалиста — сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК РФ.

Порядок допроса специалиста в УПК РФ не регламентирован. В связи с этим суды используют уголовно-процессуальную аналогию, допрашивая его по правилам допроса свидетеля с учетом специфики его процессуального статуса.

3). *Показания эксперта* — согласно ч. 2 ст. 80 УПК РФ, сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» неоднозначно.

Существует мнение о том, что водораздел между показаниями эксперта и показаниями специалиста проходит по двум направлениям:

1). Показания эксперта может быть дано лишь после дачи экспертом своего заключения, а заключение специалиста может быть дано до дачи им заключения, после дачи им заключения и даже без дачи им заключения. Таким образом, несмотря на различие в процессуальной форме данных продуктов деятельности специалиста (для показаний — устная, для заключения — письменная), содержание у них общее — ответы на поставленные вопросы, данные с использованием сферы специальных познаний специалиста;

2). Специалист, в отличие от эксперта, не производит исследований, следовательно, показания специалиста не основаны на проведенных им исследованиях.

Однако при ближайшем рассмотрении такое противопоставление оказывается спорным.

Так, в соответствии с абз. 1 п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», подтверждая тот факт, что заключение и показания специалиста обладают статусом доказательств, обращает внимание су-

дов на то, что «специалист не проводит исследование *вещественных* доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза».

Однако, как мы знаем, отнюдь не все виды судебных экспертиз проводятся на основе исследования вещественных доказательств. Таким образом, даже Пленум Верховного Суда РФ не исключает ситуации, когда содержанием показаний специалиста будут являться проведенные им исследования, если только это не исследования вещественных доказательств.

Вывод о том, что содержание показаний специалиста может включать и результаты произведенных специалистом исследований согласуется и со сравнительно недавними изменениями в УПК РФ.

Так, Федеральный закон от 4 марта 2013 № 23-ФЗ, давшей новую редакцию ч. 1 ст. 144 УПК РФ, расширивший перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых разрешено при проверке сообщения о преступлении, предоставил дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа, в том числе и право - требовать производства *исследований* документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях *специалистов*.

Из этого следует, что УПК РФ позволяет специалисту в стадии возбуждения уголовного дела производить исследования и, соответственно, при необходимости, сообщить о произведенных им исследованиях в ходе допроса.

Возникает вопрос, как называется результат деятельности специалиста, производившего в стадии возбуждения уголовного дела указанные выше исследования документов, предметов, трупов? Представляется, вполне уместным назвать результат этой деятельности заключением специалиста.

В связи с этим термин легальное определение «заключение специалиста», закрепленное в ч. 3 ст. 80 УПК РФ, а именно то, что «заключение специалиста — представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами», следует толковать распространительно.

Исходя из легального определения «показаний специалиста» (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), а именно то, что это — «сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК РФ», следует сделать вывод, что в соответствии с УПК

РФ показания специалиста могут быть облечены как в письменную форму (на стадии предварительного расследования), так и в устную (на судебных стадиях).

Утверждение о том, что показанию эксперта, в отличие от показаний специалиста, обязательно должна предшествовать дача им заключения, базируется на легальном определении (ч. 2 ст. 80 УПК РФ), согласно которому «показания эксперта» — сведения, сообщенные им на допросе, проведенном *после получения его заключения*, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК РФ.

Более того, ч. 1 ст. 205 УПК РФ, посвященная допросу эксперта на стадии предварительного расследования, содержит безусловный запрет: «Допрос эксперта до представления им заключения не допускается».

Однако при ближайшем рассмотрении данный тезис представляется спорным.

Так, Пленум Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. в п. 17 своего Постановления № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» рекомендовал «судам в случае производства экспертизы в суде (статья 283 УПК РФ) экспертом, ранее не участвовавшим в деле в этом качестве, в необходимых случаях выносить два процессуальных документа (определения, постановления): первый — о назначении экспертизы, в котором привести данные об эксперте, имея в виду, что эксперт вправе участвовать в исследовании обстоятельств дела, относящихся к предмету экспертизы, только после вынесения определения о назначении экспертизы, и второй — после выполнения соответствующей процедуры — о постановке вопросов перед экспертом».

Таким образом, Верховный Суд РФ, вопреки прямому и однозначному смыслу содержащегося в ч. 2 ст. 80 УПК РФ определения показаний эксперта признал правомерной ситуацию, когда эксперт получает свой процессуальный статус не непосредственно перед началом производства им экспертизы, а получает возможность участвовать в исследовании обстоятельств дела, относящихся к предмету экспертизу. Представляется, что цель таких исследований — помочь суду правильно сформулировать вопросы, которые необходимо поставить перед экспертом, а также собрать необходимые объекты экспертных исследований, привлечь к участию в производстве экспертизы нового эксперта. Представляется, что единственный способ, каким эксперт может донести до суда эти сведения – показания эксперта.

Помимо этого, согласно ч. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт имеет право отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы

специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения. Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа.

Представляется, что у следователя (дознателя) или суда могут возникнуть вопросы по сообщению эксперта об отказе от дачи заключения (в п. 3 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 № 73-ФЗ (с изм. и доп.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» данный документ назван «мотивированным письменным сообщением о невозможности дать заключение»).

Вот и второй случай, когда показания эксперта могут иметь место и в отсутствие заключения эксперта.

Таким образом, прослеживается тенденция, пусть и не столь явная и недостаточно последовательная, сближения статуса эксперта и специалиста. Придет ли эта тенденция к своему логическому концу, т. е. к слиянию этих участников уголовного процесса в одном, подобно свидетелю-эксперту (Expert-Witness) в уголовном процессе государств общего права? В этом случае должна быть унифицирована процессуальная форма и соответственно, требования к допустимости показаний данного лица как доказательства.

Так, Правило 702 Федеральных правил доказательств США содержит положение, согласно которому свидетель, который пригоден в качестве эксперта благодаря своим знаниям, умению, опыту, обучению, может давать показания в форме заключения (opinion) или иным способом, если:

(а) научные, технические или иные специализированные знания эксперта могут помочь ему понять доказательства или установить факты, входящий в предмет доказывания; (b) показания основаны на достаточных фактах или данных; (c) показания — продукт заслуживающих доверия (проверенных) (reliable) принципов и методов; и (d) эксперт должен проверенным образом применить эти принципы и методы к юридически значимым обстоятельствам дела (facts of the case) [1, С. 41]

Достаточно интересно в Федеральных правилах доказательств решен вопрос о соотношении допустимости объектов заключения (которое эксперт высказывает в ходе допроса).

Если эксперты в своих областях знания обоснованно опираются на факты или данные (о которых они осведомлены или лично наблюдали), формируя свое заключение, то нет необходимости в допустимости этих фактов и данных для того, чтобы заключение эксперта могло считаться допустимым. Но если эти факты или данные являют-

ся недопустимыми, тот участник процесса, которому благоприятствует заключение, вправе довести это заключение до присяжных лишь в том случае, если его доказательственная ценность, помогающая присяжным оценить (проанализировать) заключение, существенно превышает эффект предубеждения.

Современная российская судебная практика свидетельствует о том, что показания специалиста остаются практически единственной формой специальных познаний, которые может представить в суд сторона (как правило, это сторона защиты) по своей инициативе.

Другие результаты деятельности привлеченного стороной защиты лица, обладающего специальными познаниями, облеченные в письменную форму и изготовленные до судебного заседания, в последние годы, по большей части отвергаются судом. Иными словами, суды, отказывая в приобщении и оглашении указанных документов, дают негативную оценку их как доказательств допустимости.

Так, документы под названием «заключения специалиста» отвергаются в связи с тем, что суд не разъяснил специалисту его права, а также не предупредил об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Если же такое предупреждение и разъяснение существует, они, тем не менее, отвергаются, на том основании, что адвокат не уполномочен законом на такое предупреждение и разъяснение.

«Консультации специалиста», «консультативные заключения специалиста», «мнения специалиста» также не признаются допустимыми в качестве доказательств под тем предлогом, что таких доказательств УПК РФ не предусматривает.

Такой популярный в свое время результат деятельности сведущего лица как «рецензия» (как правило, заключения эксперта) отвергается помимо приведенной выше мотивировки, отвергается также и по той причине, что она дает оценку заключения эксперта, что не входит в компетенцию специалиста, а представляет собой прерогативу суда.

С данным обоснованием вряд ли возможно согласиться. Так, в п. 2 подпункта 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» содержится следующее разъяснение: «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения».

Казалось бы, парадоксально, но современная судебная практика, в том числе и Верховного Суда РФ не мотивирует недопустимость выводов специалиста именно по этой причине. Вот пример из апелляционно-

го определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 81-АПУ19-18 от 26 декабря 2019 г.: «Специалисты высказали свое мнение о несоответствии оспариваемых заключений экспертов в части определения причины смерти П. механизма образования телесных повреждений, то есть фактически дали оценку достоверности доказательств, тем самым вышли за пределы своих полномочий, предусмотренных ст. 58 УПК РФ».

С данной позицией трудно согласиться.

Во-первых, если специалист (впрочем, как и иные невластные участники процесса) и дают оценку заключению эксперта, то оценка эта, в силу их невластного положения в процессе, носит лишь предположительный, необязательный для суда характер.

Во-вторых, кроме того, как правило, если такая оценка заключения эксперта и присутствует в исходящих от специалиста документах, то она является лишь выводом, основная же часть посвящена анализу использованных методик, их апробированности, валидности, релевантности, а также полноте представленных на экспертизу объектов и пр., т. е. сообщает сведения, полученные им с помощью своих специальных познаний. Что мешает суду принять в качестве доказательства именно эту, основную часть итогового документа специалиста, а не его оценку достоверности заключения эксперта?

В-третьих, правилен ли сам тезис о том, что специалист, высказывающий мнение о том, насколько с точки зрения специальных познаний (которыми обладает и эксперт), экспертиза, заключение которой он анализирует, произведена с соблюдением правил и общепринятых положений сферы специальных познаний, не имеет права высказать итоговый вывод о том, можно ли считать ответы эксперта на поставленные вопросы достоверными? И это при том, что эксперт не оценивает достоверность и допустимость представленных на экспертизу объектов.

А ведь такая возможность предоставлена экспертам, которым поручена производство повторной экспертизы! Так, п. 3.10 Инструкции по заполнению отраслевой учетной формы № 100/У-03 «Заключение судебно-психиатрического эксперта (комиссии экспертов)» (Приложение № 2 к Приказу Минздрава России от 12.08.2003 № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе» содержит следующее положение: — При повторной экспертизе в тех случаях, где имеется расхождение с выводами предыдущей экспертизы, *необходимо проведение анализа этих расхождений* (наличие и полнота катамнеза, разный объем пред-

ставленной значимой для экспертизы информации, наличие или отсутствие дифференциальной диагностики и др.) (курсив наш — М. Б.). В этом случае, обосновывая выводы повторной экспертизы, которые добросовестный эксперт не может не рассматривать как достоверные, отличные от выводов первоначальной, эксперт анализирует причины этого отличия, иными словами, причины, по которым выводы первоначальной судебной экспертизы не могут рассматриваться в качестве достоверных.

Кроме того, что касается специальных критериев допустимости доказательств, относящихся к производству в суде с участием присяжных заседателей, применительно к показаниям эксперта и специалиста, то следует выделить два обстоятельства:

1). Запрет задавать эксперту в присутствии коллегии присяжных вопросы, иными словами, инициировать показания эксперта, относящиеся к виду примененной методики и к самому ее наличию; апробации, применимости данной методики для исследования данных объектов, возможности ошибок и их проценту; наличием иных методик: причине предпочтения примененной методики; служебным взаимоотношениям эксперта и стороны обвинения (это касается случаев, когда эксперт является должностным лицом того же органа, что и орган следствия); количеству произведенных экспертиз; количеству раз, когда его выводы не совпадали с выводами стороны обвинения.

Согласиться с правильностью такого подход вряд ли возможно: полагаю, оно базируется на неправильном допущении, что все, что не относится к ходу экспертного исследования и ее результатам — вопросы допустимости доказательств, не относящиеся к компетенции коллегии присяжных заседателей.

2). Фактически полный запрет специалисту давать показания в присутствии присяжных (поскольку специалиста, как правило, и приглашают в суд для того, чтобы оспорить заключение эксперта), поскольку это якобы направлено на то, чтобы опорочить в глазах присяжных заключение и показания эксперта.

Запрет этот не вытекает из требований закона, а сформирован судебной практикой, в частности, п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (с изм. и доп.), согласно которому «в присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию другие вопросы права, не входящие в компе-

тенцию присяжных заседателей и способные вызвать их предубеждение в отношении подсудимого и других участников процесса».

Такая ограничительная трактовка допустимости показаний эксперта и специалиста в суде присяжных фактически препятствует полноценной оценке присяжными заседателями доказательств, полученных с помощью специальных познаний, ограничивая их доказательствами, полученными стороной обвинения, лишая их, по терминологии И. Я. Фойницкого, «средств судебной критики» [2, С. 255].

В этом смысле негативно окрашенный термин «порочить», столь часто используемый судами апелляционной инстанции для того, чтобы признать те или иные доказательства недопустимыми с точки зрения исследования в присутствии коллегии присяжных, означает лишь то, что то или иное представленное стороной защиты доказательство (или попытка получить доказательство, к примеру, вопрос эксперту) позволить присяжному заседателю оценку доказательству обвинения, отличную от оценки, данной данному доказательству (к примеру, в обвинительном заключении) самой стороной обвинения.

Все это, безусловно, противоречит принципу состязательности и праву на справедливое судебное разбирательство, неправомерно ограничивает сторону защиты в ее праве на участие в доказывании.

Такое гиперкритическое отношение судей к доказательствам (их части), могущим поколебать доказательства, сформированные стороной обвинения с помощью специальных познаний, вызвано, на взгляд автора настоящей статьи, половинчатостью предпринятого в УПК РФ 2001 г. расширению участия невластных участников процесса сторон (прежде всего, со стороны защиты) в использовании специальных познаний, прежде всего закреплению права на обращение к специалисту и возможности его вызова в суд и допроса независимо от судейского усмотрения. Устоявшаяся в уголовно-процессуальном законодательстве и укоренившаяся в профессиональном правосознании система вовлечения и использования специальных познаний в отечественном уголовном судопроизводстве, где этот вопрос практически полностью зависит от властных участников уголовного процесса и основная деятельность в этом направлении приходится на органы предварительного расследования, можно сказать, инстинктивно отторгает ростки состязательного принципа в использовании специальных познаний.

Не питая иллюзий на радикальное изменения данного положения в ближайшем будущем, и не строя безупречные с точки зрения состязательности, но абсолютно маниловские проекты, следует приготовиться к длительным перипетиям в этом вопросе.

Список литературы:

1. Federal Rules of Evidence. Michigan: Michigan Legal Publishing Ltd., — 2017. — 41 p.
2. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. В 2-х тт. СПб.: — Альфа, — 1996. — 607 с.

Ватутина О.Ю.

Допустимость показаний специалиста в суде присяжных

В настоящей статье автор исследует проблемы использования показаний специалиста в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей. Дается оценка специфике использования такого вида доказательств, имеющего, зачастую, сложную научную информационную составляющую. Автором формулируется тезис о перспективности использования показаний специалиста в доказывании по уголовным делам и о значительной роли данного доказательства для реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: специалист, показания, допрос, защитник, суд присяжных.

Admissibility of Expert Testimony in a Jury Trial

Abstract. In this article, the author examines the problems of using the testimony in a trial involving jurors. The article assesses the specifics of using this type of evidence, which often has a complex scientific information component. The author formulates a thesis about the prospects of using the specialist's testimony in proving criminal cases and about the significant role of this evidence for the implementation of the principle of adversarial parties in criminal proceedings.

Keywords: specialist, testimony, interrogation, defense counsel, jury trial.

Допустимость показаний участников уголовного процесса как свойство доказательств носит конституционно-правовой характер, и характеризует соответствие порядка получения доказательств требованиям, установленным законом к процессуальной форме их получения [5,

С. 448]. Сегодня наметилась новейшая тенденция, когда понятие «недопустимые доказательства» становится шире понятия «доказательства, полученные с нарушением закона» [5, С. 449], недопустимыми признаются доказательства, основанные на догадке, предположении, слухе, что ведет к запрету их использования в процессе доказывания. Данные положения распространяются на все виды доказательств, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Показания специалиста, в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ относятся к числу легальных источников доказательств. При этом показания специалиста, являются доказательством новым и представляют собой сведения, сообщенные специалистом на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний (ст. 80 УПК РФ). Поскольку для стороны защиты возможность по использованию специальных знаний, это, прежде всего, способ обеспечения реализации принципа состязательности и равноправия сторон, использование показаний специалиста в доказывании стороной защиты приобретает все большую популярность, несмотря на очевидную нормативную неурегулированность данного процесса.

Прежде всего, нормативная неурегулированность проявляется в определенной конкуренции процессуальных статусов специалиста и эксперта. Предпочтение эксперту как участнику уголовного судопроизводства, обладающему специальными знаниями, отдается вне зависимости от того обстоятельства, что показания эксперта носят акцессорную природу по отношению к данному им заключению, в то время, как показания специалиста - самостоятельную. Казалось бы, в этом реализуется возможность более широкого использования специальных знаний в уголовном процессе, однако, как к показаниям, так и к заключению специалиста, наука и практика по-прежнему, относятся с определенным скепсисом.

Особую проблематику вопрос использования показаний специалиста обретает в таком специфическом судопроизводстве, как производство с участием присяжных заседателей. Зачастую, нормы о доказывании в суде присяжных трактуются весьма широко, при этом для суда присяжных публичная оценка того или иного доказательства приобретает первоочередное значение, поскольку, «каждое из исследованных или, напротив, не исследованных в присутствии присяжных доказательств составляет основу их внутреннего убеждения ... и задачей участников процесса становится возможность пробить информационный вакуум и заполнить этот вакуум «своими» доказательствами, при

этом представив «свое» доказательство тактически верно» [8, С. 69]. Таким образом, проблема допроса лиц, обладающих специальными знаниями, становится ключевой, поскольку, перед лицом, получающим показания, стоит задача, не только донести необходимую информацию до присяжных, но и преподнести ее максимально доступным, для лиц, не обладающих специальными знаниями, образом, ведь, тактически верный допрос лица, обладающего специальными знаниями, это своего рода заслон, ограждающий присяжных заседателей от восприятия информации, которая не может быть положена в основу их последующего решения по делу [7, С. 32].

Согласно положениям действующего УПК присяжные оценивают относимость и допустимость каждого доказательства, то есть фактически перед присяжными стоит задача верифицировать заключение (равно показания) данным лицом, обладающим специальными знаниями, не обладая таковыми [2, С. 39–40]. То есть, присяжные заседатели пытаются оценить научное доказательство в чистом виде, и для обеспечения эффективности подобного мероприятия необходимо соблюдение определенных условий: небольшой массив информации; относительная доступность информации, предлагаемой ко вниманию; доступность информации для усвоения любыми лицами, при том, что изначально, тексты заключений лиц, обладающих специальными знаниями (и показания), далеко не всегда отвечают «принципу понятности» [2, С. 41; 3, С.80–82]. И для достижения «позитивного» для конкретной стороны результата, важно не допустить «информационную травму», то есть формирование в сознании присяжных барьера для так называемой «вредоносной информации» [2, С. 41].

Основным способом получения (формирования) доказательственных фактов являются следственные действия, проводимые в судебном заседании. Сущность допроса большинством авторов усматривается в получении показаний от допрашиваемого лица [6, С. 55]. Личные показания специалиста (также как и эксперта) собираются, предоставляются, проверяются и исследуются путем допроса данного лица, а показания специалиста, данные в ходе допроса не отделимы от конкретного лица, обладающего специальными знаниями и являются элементом его «речедеятельности». Таким образом, присяжные заседатели воспринимают непосредственно показания специалиста, получаемые в ходе допроса, а под влиянием полученной информации, впечатлений от поведения субъекта доказывания, проводившего следственное действие, и поведения допрошенного формируется мнение о том, следует ли доверять показаниям, признавать их допустимыми и считать доказанным те или

иные факты [1, С. 274]. Поэтому, субъект доказывания, проводящий допрос в суде, должен в обязательном порядке, учитывать обстановку в судебном заседании, благоприятные и неблагоприятные факторы, исключить (не допустить) результаты допроса, способные повлиять на возможность признания показаний специалиста недопустимыми.

Вопрос допустимости показаний специалиста в суде присяжных непосредственно смыкается с вопросом возможности исследования конкретного доказательства в присутствии коллегии присяжных заседателей. Безусловно, исходя из принципа состязательности и равенства процессуальных прав сторон, порядок исследования представляемых доказательств определяется сторонами. Отказ сторонам в исследовании доказательств, не признанных судом недопустимыми, следует расценивать как ограничение их прав на предоставлении доказательств.

При рассмотрении дела присяжными заседателями должны быть соблюдены общие правила судебного разбирательства, предусмотренные ст. 240 УПК, такие как непосредственность и устность. Однако при оценке доказательств присяжными заседателями, при выполнении указанных правил, возникают определенные сложности. Например, присяжные заседатели, лишь наблюдатели, не имеющие возможности участвовать в диалоге сторон, но при этом они (присяжные заседатели) — постоянный объект воздействия. Воздействие, которому они подвергаются, выходит за рамки обычного, стандартного в первую очередь потому, что они находятся в нестандартной ситуации и оценивают нестандартную, а в случае с показаниями специалиста, научную информацию, не всегда предназначенную, как уже было сказано, для восприятия «на слух» лицами, специальными знаниями не обладающими. Таким образом, принципиально важно разрешить вопрос о допустимости показаний специалиста, возможности их исследования в присутствии присяжных, поскольку, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», одним из оснований отмены приговора с участием присяжных заседателей, является ошибочное исключение из разбирательства допустимых доказательств, поскольку такое нарушение ограничивает гарантированные законом права участников уголовного судопроизводства на предоставление доказательств. Решение данного вопроса имеет существенное значение, поскольку, в большинстве случаев, специалист привлекается для оценки заключения эксперта, содержащегося в конкретном деле. Подобный подход создает особую форму состязательности в уголовном процессе, с

учетом того обстоятельства, что в подавляющем большинстве случаев, допрос специалиста — инициатива стороны защиты [4, С. 91].

Итак, сегодня отмечается рост активности использования специальных знаний стороной защиты, посредством вовлечения в судопроизводство специалиста, использования его показаний в доказывании по уголовным делам. Правоприменительная практика указывает на увеличение количества уголовных дел, производство по которым производится с привлечением специалистов. Результатом такого привлечения является реализация на практике принципа состязательности и равноправия сторон, которая напрямую зависит от профессионализма участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Баширов, Т. Н. Доказательственное значение допроса, проводимого в суде с участием присяжных заседателей / Т. Н. Баширов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 2. — С. 272–277.
2. Босов, А. Е. «Принцип понятности» и лексические трудности его реализации при постановке вопросов перед присяжными заседателями / А. Е. Босов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 3(16). — С. 80–82.
3. Босов, А. Е. Суд присяжных. Заключение эксперта как доказательство в суде присяжных (по данным теории речевых актов) / А. Е. Босов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 3 (2). — С. 38–41.
4. Ватутина, О. Ю. Проблемные вопросы допроса специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам / О. Ю. Ватутина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. — 2019. — № 4. — С. 90–92.
5. Головкин, Л. В. Курс уголовного процесса / Под ред. проф. Л. В. Головкин. — М.: Статут, 2017. — 1280 с.
6. Кочагин, А. Ю. Общие положения судебного допроса / А. Ю. Кочагин // Рос. юстиция. — 2006. — № 12. — С. 55–57.
7. Стабров, Н. И. Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных / Н. И. Стабров // Журнал рос. права. — 2006. — № 11. — С. 32–38.
8. Хорошева, А. Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве с участием присяжных заседателей: исторические практики и наше время / А. Е. Хорошева // Глагол правосудия. — 2017. — № 2 (14). — С. 65–71.

Допустимость показаний и допустимость вопросов в допросе

Допрос и вопросы в допросе являются взаимно масштабируемыми нормативными конструкциями. Допустимость вопросов предопределяет свойство допустимости показаний. Качество о допустимости показаний является фрагментируемым.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательств, показания, допрос, вопросы.

Admissibility of Indications and Admissibility of Questions in Interrogation

Abstract. Interrogation and questions in interrogation are mutually scalable normative structures. The admissibility of questions predetermines the property of admissibility of testimonies. The admissibility of testimonies is a fragmented quality.

Keywords: evidence, admissibility of testimonies, testimony, interrogation, questions.

Научная цель коллективного исследования допустимости показаний в уголовном процессе предполагается весьма актуальной для настоящего момента. Связано это с тем, что российское уголовное судопроизводство, в силу реализованных в нем конституционных положений и принципов уголовного процесса, должно быть состязательным, а стало быть — устным. Письменность и тайность судопроизводства — символы инквизиционного (следственного) процесса, противоположность состязательности. В связи с этим любые обращения к проблематике, развивающей состязательные вербально-исследовательские формы доказывания, должны рассматриваться в качестве важного направления отечественной науки уголовного процесса.

Более того, соответственно нормативной установке, присутствующей в основном законе России (в нормах ч. 2 ст. 45, ч. 2 ст. 50 ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации), главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (его нормах статей 15, 17, 18), общих правилах производства следственных действий, предусмотренных в указанном законе (ст. 164) и обширному регулированию законодателем процедур вербальных следственных действий в досудебном производстве (глава 26, ст. 205), общих условий судебного разбира-

тельства (ст. 240), детализированных институтов судебных действий, основанных на методе расспроса (статьи 275, 277, 278, 278¹, 280, 281¹, 282) и т. д., российские правоприменители, что следует из проведенного нами анализа далее указанного контента, также исключительно часто обращаются к этой тематике. Подтверждением этого являются многочисленные тренинги проведения допросов для юристов-практиков и оценки их результатов, рекламой которых сейчас заполнена информационная среда таких популярных в России социальных сетей как «Фейсбук» и «Вконтакте». Возможно, что это является следствием проведенного Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия успешного научного мероприятия на тему «Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике», высоко оцененного юридическим сообществом нашей страны и представителями различных направлений уголовно-процессуальной деятельности [2, С. 7–136].

Современная теория уголовного судопроизводства, откликаясь на запросы практики производства по уголовным делам, выделяя значимое в уголовно-процессуальном законе и формируя соответствующе научные задачи, уделяет исключительное внимание данному исследовательскому направлению, примером чего являются работы последних лет О. Ю. Ватугиной, А. О. Машовец, Ю. В. Стрелковой [1, С. 24–27; 4, С. 107–115; 6, С. 115–119]. При этом надо отметить, что современная библиография работ по рассматриваемой теме лишь дополняет гигантский массив публикаций данной проблематики в советской и постсоветской науке уголовного процесса.

Конкретизированная цель (исследование допустимости показаний в уголовном процессе), достаточный субъектный состав ученых-исследователей в отрасли уголовного процесса, ориентированных на изучение данной объектной области, и представляющих коллективное обоснование актуальности рассматриваемого направления, необходимость верификации возникающего предметного знания о критериях допустимости, процессуальных факторах и процедурах оценки допустимости данного вида доказательств, указывает на наличие в науке уголовного процесса России оппонентного круга, соответствующего выбранной организаторами теме научного мероприятия, в рамках которого публикуется настоящая статья, этим подтверждая указанную выше актуальность.

Актуальность же конкретной темы, выбранной нами для настоящей работы, менее масштабна. Мы подойдем к рассмотрению допустимости показаний в уголовном процессе с уровня допустимости вопросов в допросах. Это, конечно же, может восприниматься своеобразным нано-

уровнем исследования, заимствованным в качестве методического приема для настоящей работы в статье советского теоретика права П. Е. Недбайло, подчеркивавшего относительно всей системы прав, что любая норма (мы переводим это на нашу отрасль) уголовно-процессуального права (в том числе норма, задающая уголовно-процессуальную форму вопроса в допросе) характеризует само уголовно-процессуальное право целиком [5, С. 118–139]. Нормы о вопросах в допросе в этом случае дают понимание обо всем уголовно-процессуальном праве (его сущности, реализованном в нем типе уголовного процесса и т. д.). Наоборот максимальная по нормативному масштабу конструкция (уголовно-процессуальный закон) в своем синкретичном образе содержит нормативные детерминанты желаемой законодателем юрисдикционной технологии формулирования вопросов участниками уголовного процесса и использования их в допросах.

Последнее позволяет сформулировать гипотезу настоящей статьи. В ее содержание входит суждение о том, что допрос в уголовном процессе и вопрос как элемент допроса являются соотносимыми масштабируемыми нормативными конструкциями. В этих конструкциях, несмотря на их различную процессуальную размерность, проявляется процессуальное подобие. Это подобие по аналогии позволяет полагать, что нарушение установленной в законе уголовно-процессуальной формы генерирования и применения вопросов в допросе является нарушением уголовно-процессуальной формы самого допроса, позволяет инициировать оценочные процедуры доказательственной недопустимости ответов (их совокупности, образующей показания) — недопустимости (или наоборот — допустимости) показаний.

При этом, как мы считаем, происходит дополнительная дифференциация показаний как вида доказательств от протокола допроса, в котором они содержатся, рассматриваемого иногда в науке уголовного процесса так же в качестве отдельного вида доказательства. Для нас обобщение этих видов доказательств не приемлемо, поскольку применяемая нами методика исследования требует поиска в разноразмерных уголовно-процессуальных объектах соответствующего подобия. Этого нет между показаниями и протоколами.

Важным дополнением гипотезы является предположение о том, что нарушение уголовно-процессуальной формы проведения допроса является основанием для принятия решения о недопустимости полученных показаний, а нарушение уголовно-процессуальной формы конструирования и реализации вопросов в допросе соответствующе — повод признания доказательственной недопустимости ответов как части показаний.

Прежде всего обратимся к нормативному материалу, сравнив уголовно-процессуальные формы, установленные законодателем для вопросов и допросов. В действующем законе правила о вопросах в допросах сводятся к следующим положениям:

1. Российским законодателем в УПК РФ общими правилами проведения допроса запрещены так называемые наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 УПК). При этом в данном нормативном акте отсутствует дефиниция рассматриваемого правового явления. Дополнительно обратим внимание на то, что адресатом этого правила, законодатель, скорее всего, видит следователя или иное лицо, осуществляющее предварительное расследование (лицо, проводящее вербальные следственные действия). Такое толкование мы допускаем потому, что общие правила проведения допросов с очевидностью регулируют уголовно-процессуальную активность властного участника досудебного производства.

2. Вопросы в ходе допроса задаются последовательно, но не купно (ч. 2 ст. 190 УПК). Ранее в наших статьях о вопросах как элементах допроса мы, к сожалению, не обратили внимания на это положение. Сегодня же для уголовно-процессуальной формы вопросов в аспекте исследования допустимости ответов (показаний) это видится важным. Диспозиция приведенного правила предполагает дискреционность вопросов как элементов допроса. Они не должны быть неким континуумом без четкой демаркации одного вопроса от другого.

3. Вопросы являются исключительным содержанием допросов. Ответы (показания) — результат постановки вопросов. Свободный рассказ, предшествующий допросу, который был допустимым по советскому стандарту собирания доказательств по уголовным делам процессуальными действиями вербального характера (ч. 5 ст. 158 УПК РСФСР), современным законодателем сознательно упущен. В этом случае форма проявляет свою очевидность из сравнения прошлого и действующего законов. Во всех статьях, где упоминаются правила формулирования и использования вопросов, в порядке проведения допроса есть нормативные конструкции о вопросах как элементах допроса, но нет правил в структуре диспозиции регулятивных норм о свободном рассказе (ст. 189, 191, 192, 205, 259, 275, 278, 280, 282 УПК). Само наличие свободного рассказа в допросе может рассматриваться как нарушение уголовно-процессуальной формы, ставящей под сомнение допустимость показаний.

Свободный рассказ разрешен современным законодателем лишь в таком следственном действии как проверка показаний на месте (ч. 4 ст. 194 УПК), что разумно. Надо, как мы считаем, учитывать целевую ори-

ентацию данного следственного действия, посредством которого проверяются показания, но не собираются. Без свободного рассказа (воспроизведения ранее данных показаний) оно утрачивает смысл. При этом само наличие свободного рассказа в действующем уголовно-процессуальном законе является подтверждением того, что законодатель учитывает это процессуальное средство, но сознательно не использует его в регулировании допросов (явно исключает его).

4. Вопросы, которые не имеют отношения к предмету доказывания, в ходе судебного следствия могут быть отклонены председательствующим (ч. 1 ст. 275 УПК). В этом случае можно, вероятно, усмотреть как запрет неотносимых вопросов, так и способ правового регулирования в виде позитивного обязывания допрашивающих лиц задавать относимые вопросы. При этом в приведенной норме присутствует база для аналогии о снятии некоторых вопросов защитника следователем (ч. 2 ст. 53, ч. 2 ст. 190 УПК).

Конечно же, регулирование правил проведения допросов является более масштабным по процессуальным размерам в действующем уголовно-процессуальном законе, чем регулирование правил конструирования и реализации вопросов. На это указывает, например, тот обильный нормативный материал, который ранее мы уже привели относительно количества статей УПК РФ, содержащих уголовно-процессуальные правила допросов. Нужно подчеркнуть, однако, что в качестве очевидных оснований для признания показаний недопустимыми, в УПК упомянуты лишь следующие:

— показания подозреваемого (обвиняемого), полученные без участия в допросе защитника в тех случаях, когда его участие является обязательным;

— показания потерпевшего (свидетеля), не имеющие надлежащего информационного источника (пп. 1–2 ч. 2 ст. 75 УПК).

Конечно же, данный скромный каталог условий, влияющих на признание показаний недопустимыми, позволяет сформулировать идеи для следующих исследований:

— показания подозреваемого (обвиняемого) на допросах, в которых защитник не задавал вопросов допрашиваемому лицу, то есть только присутствовал, но не участвовал в допросе, должны признаваться недопустимыми, что будет отвечать началу состязательности;

— показания потерпевшего (свидетеля), в которых нет ответов на вопросы о надлежащем источнике информации допрашиваемого лица, должны признаваться недопустимыми, если вопросы о надлежащем источнике потерпевшему (свидетелю) задавались, что будет соответство-

вать логике «вопрос — ответ», в ином же случае будет сохраняться нормативный рудимент предыдущего законодательства, когда свидетель или потерпевший, будучи обязанным давать показания, в том числе и в форме свободного рассказа, сам не указал источник своей информации. Сегодня, однако, такая обязанность отсутствует. Современный свидетель (потерпевший) отвечает на вопросы, которые ему задали, и может молчать в иной части.

Однако, возвращаясь к нашей теме, попробуем далее соотнести институт вопросов с институтом допросов в уголовном судопроизводстве. Последний представлен следующими положениями:

А. Относительно первого положения, приведенного нами выше для характеристики процессуальной формы вопросов, мы упомянули запрет наводящих вопросов. При этом рядом с нормой-запретом в действующем уголовно-процессуальном законе присутствует нормативное правило, реализация которого на практике открывает допрашиваемому лицу (следователю или иному участнику предварительного расследования, производящего следственное действие) максимальную свободу (ч. 2 ст. 189 УПК). Несмотря на то, что при этом законодателем упоминается криминалистическая деятельность (тактика допроса в ходе предварительного расследования), полагаем, что эта свобода должна полностью соответствовать требованиям к процессуальной деятельности и надлежащей уголовно-процессуальной форме проведения допросов. Если запрет наводящих вопросов есть установка законодателя на получение объективных показаний (объективных ответов), а не субъективных показаний, содержание которых детерминировано субъективными установками допрашивающего лица, то можно указать на ряд норм, регулирующие значение которых связывается с объективностью всего производства по уголовному делу, содержащихся в ч. 1 ст. 33, ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154 УПК РФ. Конечно же, объективность расследования предполагается как целостное свойство производства по уголовному делу, а не каких-то его фрагментов. Допрос как элемент производства по уголовному делу также должен отвечать критерию объективности, что позволяет усматривать отношение масштабируемости этого свойства между вопросом и допросом. Допрос — конструкция большего процессуального размера, чем вопрос, но подобная вопросу в части его содержания.

Допрос, как и вопрос, не должен включать субъективной наводки лица, осуществляющего данное следственное действие, на необходимые ему показания.

Б. Допрос как процессуальное действие досудебного производства имеет явную дискретность в предварительном расследовании, очевидно

обозначаемую разделительными границами от других следственных действий. На это указывает обособленное регулирование вербальных следственных действий (не предполагающее их смешения) и обособленное выполнение процессуальных актов, фиксирующих ход и результат допросов (ч. 1 ст. 190, ч. 5 ст. 192, ч. 3 ст. 205 УПК РФ). Оговоримся, что показания и протоколы мы рассматриваем как различающиеся доказательства, статус которых определяется соответствующими им правилами о допустимости. Для нас здесь важно то, что обособленный процессуальный результат (протокол допроса) предполагает и обособленное следственное действие (допрос). Допрос и вопрос — равно обособленные при реализации нормативные конструкции.

Получается, что и в этой части допрос и вопрос являются взаимно масштабируемыми уголовно-процессуальными технологиями, обнаруживающие, несмотря на различие процессуального размера, признаки процессуального подобия.

В. При регулировании допросов в досудебном и судебном производствах законодатель не обращается к определению признаков этого действия через визуальные приемы (как это предусмотрено, например, в осмотрах) или через опытную сущность (что присуще процессуальным экспериментам). Само процессуальное содержание допроса есть вопросы. Если вопросов в рассматриваемом действии нет, то нет и допроса. Отмечаемое отсутствие иного регулирующего нормативного материала помимо вопросов, мы ранее уже рассматривали в предыдущих работах [3, С. 173–176].

В этом случае при очевидной процессуальной разноразмерности проявляется процессуальное подобие. Если для данной статьи условно аксиоматизировать наше предыдущее исследование, то вновь можно зафиксировать процессуальное качество разноразмерности, сопровождаемое подобием. Допрос — множество вопросов, вопрос в допросе — лишь единичный его элемент.

Г. Отмеченной выше относимости вопросов в допросе (как свойства их уголовно-процессуальной формы) также можно найти соответствующие эквиваленты в регулировании допросов.

Отечественный законодатель, несмотря на отсутствие явных указаний в уголовно-процессуальном законе об относимости допросов, в ряде своих положений, однако, позволяет выделить такие правила, которые связывают содержание допроса (предмет допроса) с предметом доказывания, не позволяя вести данное следственное действия за границами данного предмета.

Явственнее всего относимость допроса (в широком понимании) проявляется в ч. 1 ст. 173 УПК РФ. Предмет допроса обвиняемого соотносится с выяснением отношения обвиняемого к предъявленному обвинению. Уголовно-процессуальная форма этого допроса ориентирует правоприменителя не на собирание или проверку доказательств, а исключительно на определение отношения данного участника к обвинительной формуле, представленной в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Конечно же, практика в этом случае иногда показывает иные примеры, но буквальное толкование диспозитивной части нормы позволяет видеть здесь только приведенный нормативный контекст.

Схоже на практике определяется предмет допроса подозреваемого. Несмотря на то, что ч. 4 ст. 92 УПК РФ прямо не содержит правила об относимости этого допроса, однако, он организуется на основе разъяснения сущности подозрения и производится относительно этого подозрения. В этом случае усматривается аналогия с допросом обвиняемого.

Весьма конкретно (как и в случае с допросом обвиняемого) российский законодатель определяет предмет допроса эксперта (ч. 2 ст. 205 УПК РФ). Формулирование лицом, осуществляющим это следственное действие процессуальных задач, применение процессуальных средств допроса, не связанных с ранее данным заключением, является недопустимым (ч. 1 ст. 205 УПК РФ). Относимость допроса эксперта (предмет допроса) детерминирована содержанием ранее данного заключения.

Об относимости иных допросов (свидетелей, потерпевших) как в досудебном, так и в судебном производствах непосредственно в статьях, нормы которых регулируют проведение данных видов допросов, не упоминается. Однако уголовно-процессуальные правила, разрешающие пользоваться допрашиваемым вспомогательными материалами (ч. 3 ст. 189, ч. 1 ст. 279 УПК РФ), которые очевидно соотносятся с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), позволяет и в этом случае видеть процессуальную схожесть между нормативной конструкцией допросов и вопросами в допросе. Допросы и вопросы в допросе равно должны быть относимыми.

Проведенное сравнение указывает на наш взгляд на возможность масштабирования самой уголовно-процессуальной формы формулирования и использования вопросов в допросах и самих допросов. Допрос и вопрос (как элемент допроса) имеют инвариантные свойства, остающиеся неизменными (должны оставаться) при масштабировании этих процессуальных объектов.

Из этого следует суждение о том, что если нарушается уголовно-процессуальная форма генерирования и применения вопросов (как элементов допроса), то нарушается и уголовно-процессуальная форма допроса. Последнее позволяет формулировать проблему недопустимости показаний, если нарушены правила о генерировании и использовании вопросов в допросах. Ненадлежащее процессуальное средство (недопустимый вопрос) влечет с вероятностью дефектный ответ. Некоторое множество таких вопросов формирует порочное доказательство (показание), существенная часть которых получена с нарушением уголовно-процессуальной формы, не является допустимой для доказывания. Недопустимость показаний связана с нарушением правил о вопросах в допросах.

Требуящим разрешения, в этом случае, остается аспект недопустимости части вопросов. Предполагается, что частично недопустимые вопросы могут влечь и частично недопустимые ответы. При этом в содержании допроса одновременно могут использоваться допустимые вопросы, повлекшие допустимые ответы. Правило о дискреционности вопросов подводит нас к такому выводу, а это, в свою очередь, не исключает признание допустимости только части показаний. Качество о допустимости показаний является фрагментируемым.

Список литературы:

1. Ватутина О. Ю. Допрос специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам: теория и практика / О. Ю. Ватутина // Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. СПб.: ИД «Петрополис» — 2019. — С. 24–27.
2. Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике / сост. К. Б. Калиновский, Л. А. Зашляпин. — СПб.: ИД «Петрополис». — 2019. — 138 с.
3. Зашляпин Л. А. Сущность процессуальных действий вербального характера / Л. А. Зашляпин // Процессуальные действия вербального характера. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — 178 с.
4. Машовец А. О. Семантика и прагматика вербального в уголовно-процессуальной науке / А. О. Машовец // Процессуальные действия вербального характера. — СПб.: ИД «Петрополис» — 2017 — С. 107–115.
5. Недбайло П. Е. Вопросы структуры советский правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития / П. Е. Недбайло // Право и коммунизм. — М., — 1965. — С. 118–139.

б. Стрелкова Ю. В. Специфика производства прямого допроса в суде присяжных в аспекте обеспечения объективности вердикта / Ю. В. Стрелкова // Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. СПб.: ИД «Петрополис» — 2019. — С. 115–119.

Конин А.В.

Объяснение как основа информационной модели будущего допроса

Одним из основных способов получения информации для того, чтобы ответить на вопрос — имело ли место преступление в действительности, либо заявитель добросовестно заблуждался, а в действиях лица, в отношении которого было сделано предположение о причастности к преступлению, содержится иной вид правонарушения, ответственность за которое наступает в соответствии с административным, налоговым, трудовым и иными законодательствами, является получение объяснений.

Ключевые слова: объяснение, доследственная проверка, опрос, должностное лицо правоохранительных органов, следователь, оценка информации.

Explanation as the Basis of Information Model of Future Interrogation

Abstract. One of the main ways to obtain information in order to answer the question – whether the crime actually occurred, or the applicant was in good faith mistaken, and the actions of the person to whom the assumption of involvement in the crime was made, contains a different type of offense, responsibility for which occurs in accordance with administrative, tax, labor and other legislation, is to obtain explanations.

Keywords: explanation, pre-investigation check, interview, law enforcement official, investigator, information assessment.

Любая информация о совершенном преступлении, реальном либо предполагаемом, в обязательном порядке проходит проверку, которую проводят должностные лица, перечисленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

При этом необходимо сразу же иметь в виду, что объяснение, полученное должностным лицом правоохранительных органов, проводящим доследственную проверку, от лиц, которые, по мнению должностного лица, располагают необходимой информацией, фактически является прообразом будущего допроса.

Само по себе объяснение, в отличие от допроса, менее формализовано. Так, если в процессе допроса следователь и допрашиваемое лицо находятся в рамках границ, установленных уголовно-процессуальным законодательством, и определяющих параметры взаимодействия (например, запрет наводящих вопросов, запрет на принуждение к даче показаний, запрет на применение физического либо психического насилия, предупреждение об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний либо за дачу заведомо ложных показаний и т. д.), то в процессе получения объяснения, должностное лицо, проводящее проверку и опрашиваемое лицо взаимодействуют в обстановке, которая в меньшей степени регулируется уголовно-процессуальным законодательством. Соответственно, в процессе получения объяснения должностное лицо не вправе применять какие-либо незаконные действия в отношении опрашиваемого, но постановка наводящих вопросов не исключена, как и не исключено получение заведомо ложных сведений, сообщенных опрашиваемым, в зависимости от того, к какой категории лиц относится опрашиваемый. В. В. Конин достаточно подробно рассмотрел категории лиц, дающих заведомо ложные показания, и причины, по которым даются ложные показания, поэтому считаем, нет смысла их повторять.[3, С. 120–125] Считаем необходимым уточнить, что в случае получения ложных сведений, в условиях информационной неопределенности, присущей стадии доследственной проверки, достаточно трудно применить рекомендуемые криминалистической наукой приемы для изобличения лица, сообщаемого ложные сведения, в том числе и применения к нему управляющего воздействия.

Вместе с тем постараемся остановиться на некоторых вопросах вызывающих интерес при получении сведений в ходе опроса, и последующей оценки и преобразования полученной информации в объяснение, а затем, если в информации, полученной в процессе опроса, содержатся элементы, входящие в предмет доказывания, с последующим закреплением ее в допросе.

В процессе производства доследственной проверки по информации о совершенном преступлении, вне зависимости от того, что явилось источником информации – заявление потерпевшего, выявление преступления правоохранительным органом или иное, должностное лицо

проводит опрос достаточно значительного круга лиц, которые могут располагать сведениями, представляющими интерес для раскрытия и последующего расследования преступления. При этом происходит отсев лиц, которые не располагают требуемыми сведениями, несмотря на внешние признаки осведомленности (не могут назвать источник своей осведомленности, либо источником осведомленности выступают СМИ или сообщения в интернете анонимных пользователей).

Таким образом, проведение опроса предшествует получению объяснения. Как правило, опрос проводится устно, с возможной фиксацией некоторых моментов опроса на видеозапись (посредством мобильного телефона) либо письменно (исключительно для личного пользования).

В то же время полученная в ходе опроса информация, в которой в той или иной части освещаются события, интересующие должностное лицо, проводящее доследственную проверку, должна проходить через критический анализ, поскольку, как показывает практика, всегда существуют объективные и субъективные факторы, влияющие на восприятие информации, ее полноту и правильность. В связи с этим, хочется обратить внимание на предложение В. В. Конины и Е. В. Марьиной, которые рекомендуют в процессе проведения доследственной проверки обращаться к семичленной формуле, разработанной ещё в Древнем Риме: «кто — что — где — с чьей помощью — для чего — каким образом — когда» [4, С. 122]. Без всякого сомнения, необходимо поддержать указанное предложение, поскольку вышеприведенная формула позволяет установить определенные границы как при проведении доследственной проверки в целом, так и в процессе проведения опроса и закрепления полученной информации в объяснении.

Именно этот критический анализ информации, полученной в процессе опроса, позволяет в последующем определить уровень информированности опрошенного лица, и отразить полученную информацию в объяснении, т.е., изложить в письменной форме.

Так, в процессе проведения доследственной проверки, необходимо заранее определить предмет опроса. Сюда можно включить достаточно большое количество факторов, в отношении которых будут предприниматься попытки получения информации — событие преступления, либо участие в нем конкретных лиц; выявление новых очевидцев; характеризующие личность данные; размер и тяжесть вреда, причиненного преступлением и т. д. Предмет опроса всегда будет связан с выявленной либо предполагаемой информированностью опрашиваемого. Так, например, в случае нахождения потерпевшего в медицинском учреждении в связи с совершенным в отношении него преступлением, предметом

опроса врача будет информация о тяжести вреда здоровью, механизме причинения вреда здоровью, возможность участия потерпевшего в производстве опроса и последующего допроса.

В процессе опроса формируются границы опроса, которые не позволяют размыть предмет опроса. Например, врач вряд ли может располагать информацией, кто мог видеть нападение на потерпевшего, а очевидец нападения на потерпевшего не располагает информацией о тяжести причиненного вреда потерпевшему.

Именно определение предмета опроса и его границ позволяют отразить в объяснении наиболее полно всю необходимую информацию.

При этом объяснение можно представить в виде некоего рубежа, поскольку информация, представляемая опрашиваемым лицом излагается письменно, ему разъясняются требования ст. 51 Конституции РФ, и опрашиваемое лицо подписывает объяснение, указывая о том, что информация, изложенная в объяснении записана со слов опрашиваемого, она достоверна, и каких-либо замечаний и дополнений у опрашиваемого лица не имеется. Тем самым опрашиваемое лицо, еще не имея никакого процессуального статуса, тем не менее, уже связывается определенными обязательствами (в большей степени моральными) выступить в последующем в качестве свидетеля и дать исчерпывающие показания.

По окончании предварительной проверки информации о преступлении, в случае ее подтверждения, все собранные должностным лицом правоохранительного органа объяснения вместе с другими материалами передаются следователю, после чего происходит анализ всей совокупности собранной и отраженной в объяснениях и материалах информации на предмет ее полноты и относимости к расследуемому преступлению. Поскольку объяснение не рассматривается в качестве доказательства, о чем идет достаточно оживленная дискуссия [6, С. 113–119; 7, С. 83–87; 5, С. 89–91], то сведения, содержащиеся в объяснении, выступают для следователя в качестве информационной модели, работая с которой, следователь определяет достаточность либо недостаточность насыщенности, которая в дальнейшем уточняется и дополняется в ходе допроса [1, С. 48–49; 2, С. 54–56].

Таким образом, можно сделать вывод, что объяснение, полученное должностным лицом правоохранительного органа на стадии доследственной проверки, не являясь доказательством в уголовном судопроизводстве, выступает в качестве информационной модели (основы) будущего допроса, в котором устанавливаются те или иные обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

Список литературы:

1. Волчецкая Т. С. Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве: Учебно-методическое пособие / Т. С. Волчецкая, Е. В. Осипова. Калининград, — 2020. — 126 с.
2. Зашляпин Л. А. Вопрос – масштабируемое процессуальное средство доказывания / Л. А. Зашляпин // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Редколлегия: Ю. В. Францифоров [и др.]. — Саратов, — 2020. — С. 54–56.
3. Конин В. В. Оценка показаний в уголовном судопроизводстве / В. В. Конин // Современное право. — 2018. — № 7–8. — С. 120–125.
4. Конин В.В. Тактико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки заявлений и сообщений в рамках стадии возбуждения уголовного дела / В. В. Конин, Е.В. Марьина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (14). — С. 116–130.
5. Лифанова, Л. Г. К вопросу об использовании сведений, полученных до возбуждения уголовного дела, в процессе доказывания / Л.Г. Лифанова // Вестник СевКавГТИ. — 2016. — № 4 (27). — С. 89–91.
6. Нобель, А. Р. Правовая природа объяснений в уголовном судопроизводстве / А. Р. Нобель // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 11. — С. 113–119.
7. Овсянников, И. В. Проблема доказательственного значения объяснений / И.В. Овсянников // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 5. — С. 83–87.

Кузнецов М.Ю.

Влияние отступления от дословной фиксации показаний на допустимость протокола

Автор описывает проблему необоснованного отступления следователями и дознавателями от дословной фиксации показаний допрошенных лиц и почему такие протоколы следует признавать недопустимыми доказательствами. Проблема изложена в контексте значимости для судопроизводства такого доказательства как показания. Автор делится своим видением борьбы с искажениями показаний.

Ключевые слова: показания, допрос, искажения, допустимость, фиксация, дословно.

Influence of Deviations from Verbatim Recording of Testimonies on the Protocol Admissibility

Abstract. The author describes the problem of unjustified deviation of investigators and interrogators from verbatim recording of the testimony of interrogated persons and why such protocols should be recognized as inadmissible evidence. The problem is presented in the context of the significance of such evidence as testimony for the court proceedings. The author shares his vision of the fight against distortion of testimony.

Keywords: testimony, interrogation, distortion, admissibility, fixation, verbatim.

Допустимости доказательств по уголовным делам посвящено огромное количество трудов, проведено столько же мероприятий в форме конференций, круглых столов, семинаров и т. п., защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. При всей этой активности обсуждения проблематика допустимости доказательств не изжита и требует новых и новых исследований и ответов на новые вызовы в законотворчестве и правоприменении.

Реальность такова, что конфликты состояющихся сторон в доказывании как процессе познания истины по расследуемому и рассматриваемому судом уголовному делу [7, С. 295], неизбежны — это проявляется и в вопросах об источниках, формах и способах получения (закрепления) разных видов собираемых (представляемых) доказательств. Значение для целей доказывания допустимости показаний тем более высоко, что сообщенными допрашиваемым сведениями не только устанавливаются либо опровергаются обстоятельства, касающиеся событий и данных о личности, но также ими могут восполняться другие доказательства либо устраняться противоречия или неточности в других доказательствах [2, С. 83]. О «восполняющей» способности протокола допроса свидетельствует следующий воспринятый позитивно тезис: «Не будут иметь доказательственное значение сведения в силу их недопустимости, если данные сведения не будут восполнены другими следственными и иными процессуальными действиями» [3, С. 182]. Для участников процесса, не являющихся субъектами доказывания по смыслу ч. 1 ст. 86 УПК РФ, содержание показаний играет особо важную роль, например, при представлении адвокатом сведений, претендующих

на роль доказательства, которые необходимо «закрепить» с помощью проведения допроса конкретного лица или лиц. Либо адвокат возлагает надежды исключительно на чьи-либо показания, без их совокупности с представленными сведениями.

Несомненно, такие доказательства как показания важны для всех участников процесса с обеих сторон. И говоря об их важности, мы имеем в виду, прежде всего, содержание показаний, за которое стороны «бьются» в отстаивании каждой своей позиции, либо доказательственную силу которых хотят поставить под сомнение, то есть раскритиковать. Здесь и возникает опасность того, что иной следователь, дознаватель в угоду обвинению может быть способен при составлении протокола допроса исказить произнесенное допрашиваемым, задать наводящий вопрос и получить на него желаемый ответ, не указать что-то или же вовсе привнести нечто благоволящее версии стороны обвинения. Один из аспектов обсуждаемой проблематики состоит в том, что делаться это может незаметно для обывательского взгляда допрошенного ввиду стрессовой обстановки либо же его неспособности усмотреть суть напечатанных ответов (рассказа).

Стресс сам по себе неизбежен для среднестатистического гражданина, вызванного на допрос в правоохранительный орган. Переживания могут являться следствием сложившегося восприятия допрашиваемым правоохранителей, например, в силу его незаконопослушного образа жизни и как результат — имевших или имеющих место преследований со стороны последних. У практически любого гражданина переживания не могут не вызываться давлением в форме убеждений, уговоров, угроз, введения в заблуждение, к которым в той или иной мере иногда прибегают правоохранители, пусть некоторые из них и сами того не осознающие по причине своей профессиональной деформации или низкого уровня правовой культуры, а, возможно, и того и другого в совокупности.

На фоне написания следователем, дознавателем показаний с применением не произнесенных допрашиваемым в действительности, но так необходимых для обвинения, терминов, деепричастных оборотов, наречий, междометий, работа допрашиваемого с текстом показаний требует от него немалых, а порой и невероятных усилий для того, чтобы суть сообщенных сведений не исказилась и не утратилась. Практика «адаптирования» показаний под протокольную форму, опять же такую в понимании правоохранителей, применяется повсеместно и ни у судов, ни у надзирающих органов, как правило, не возникает вопросов о повальной юридической грамотности допрошенных лиц, невзирая даже

на такие оказывающие влияние на речь факторы как возраст, национальность, образование. Например, запротоколированные показания разговаривающего с трудом на русском языке мужчины таджикской национальности изобилуют выражениями: «между тем ...», «не осознавая общественную опасность», «внезапно возникшие личные неприязненные отношения» и т.д. Или в показаниях малолетнего ребенка: «следов побоев на нем я не видел», «в ходе разговора выяснилось», «по поводу всего произошедшего». Также в нарушение установленного порядка проведения допроса протокол может изобиловать юридическими штампами и стандартными формулировками самого следователя, дознавателя [6, С. 281]. Необходимо понимать, что данными выражениями, как правило, подтверждается либо опровергается квалификация содеянного, устанавливаются фактические обстоятельства. Это понимают и должностные лица, которые подобным образом формируют протоколы допросов, понимают и рассматривающие уголовные дела суды. Но самым удручающим является то, что это невдомек допрошенным, и далеко не всегда рядом есть адвокат, который поможет подготовиться к допросу, окажет короткие консультации на следственном действии и ознакомится с протоколом во избежание того, чтобы следователь или дознаватель не заложили в текст свое видение его формирования для целей доказывания вины и причастности, не придавали показаниям нужный им контекст. Переходя непосредственно к рассуждениям о влиянии вышеописанных искажений на допустимость протокола допроса, считаем необходимым отметить следующую информацию.

Часть 1 ст. 75 УПК РФ предписывает относить к недопустимым доказательствам те, которые получены с нарушением требований УПК РФ. При этом подразумеваются требования УПК РФ, а не закона вообще [3, С. 181]. Для целей отыскания в вышеописанных ситуациях признаков недопустимости показаний, а точнее недопустимости протоколов допросов, видится оптимальным подход, описанный Л. А. Воскобитовой. Так, если недопустимость доказательства не предписана формально-определенно, как в случаях, описанных в пп. 1–2¹ ч. 2 ст. 75 УПК РФ (не подтвержденные показания подозреваемого, обвиняемого в отсутствие защитника; основанные на догадке, предположении, слухе показания потерпевшего, свидетеля; входящие в производство адвоката по делам его доверителей предметы, документы или сведения), то при отсутствии прямого указания закона ситуация требует соответствующих процессуальных действий для установления признаков недопустимости. Основаниями оспаривания могут быть любые нарушения требований федерального закона. В связи с этим большое значение приобретает

разъяснение Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», предписывающее суду в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение. Одновременно суду необходимо руководствоваться и разъяснениями о том, что недопустимым может быть признано лишь доказательство, полученное с нарушением прав человека, гарантированных Конституцией РФ, международно-правовыми договорами [8, С. 183].

Одним из требований УПК РФ к проведению допроса и составлению соответствующего протокола является обязанность записывать показания допрашиваемого лица от первого лица и по возможности дословно, записывая вопросы и ответы на них в той последовательности, которая имела место в ходе допроса (ч. 2 ст. 190). Видимо, предписание закона делать это «по возможности» ошибочно расценивается правоприменителями как предоставление некоей свободы усмотрения либо как призыв законодателя постараться, а если не получится, то сойдет, как получилось, ну или что-то в этом роде. Нам не представляется возможным по-другому объяснить стремление правоохранителей перенести суть, минуя форму и способы изложения этой сути. Подобным подходом как-бы после произнесения, но до внесения в текст протокола, речь допрашиваемого уже подвергается оценке, в то время как такая оценка недопустима в силу вмененной законодателем обязанности — лишь зафиксировать. Свобода выбора тактики допроса не должна умалять соблюдение обязанности дословной записи. Именно воспроизведение лицом тех или иных сведений придает допросу изначально заложенный в него смысл. Дословная запись играет не меньшую, а то и большую роль, нежели форма, поскольку именно содержательная часть показаний, а не форма протокола и условия допроса, формирует доказывание как познавательный процесс. Считаем описанное применение названной нормы ошибочным, поскольку законодатель заложил в формулировку «по возможности» иной смысл.

Л. А. Воскобитова указывает на необходимость изложения показаний дословно с сохранением специфики речи допрашиваемого, используемых им слов и выражений, особенностей изложения мысли и т. п., а во введении законодателем условности «по возможности» видит необходимость преодоления высказанной ненормативной лексики, жаргонизмов и т. п., не имеющих значения для расследования конкретного преступления [8, С. 373]. А. Я. Сухарев включает в этот перечень не подлежащих дословной записи выражений: местные диалекты; клички и сокращенные имена лиц, о которых упоминается в показаниях. «В слу-

чае косноязычия допрашиваемого либо допущения им повторов в ходе свободного рассказа возможно до определенной степени прояснить и сократить запись показаний. Однако это обстоятельство должно быть уяснено допрашиваемым при личном прочтении им протокола допроса и удостоверено его подписью в конце протокола. Ходатайство допрашиваемого о дополнении и об уточнении протокола подлежит обязательному удовлетворению» [4, С. 188].

Таким образом, дословная запись показаний допрашиваемого лица есть самое что ни на есть правило УПК РФ, незначительное отступление от которого допускается лишь при наличии веских на то оснований, а именно при наличии особенностей речи допрашиваемого лица.

Что касается того, нарушаются ли права допрошенных лиц искажениями, нарочитой неполнотой и трансформацией «под себя» текстов их показаний, то, безусловно, нарушаются. Когда лицо вызывается на допрос, осведомляется следователем о его правах и обязанностях, предупреждается об уголовной ответственности и приступает к даче показаний, от которых он не вправе отказаться, то дача показаний в таком случае — это не процессуальная обязанность в чистом виде, поскольку, несмотря на определенный массив обязанностей и ответственности, допрашиваемое лицо реализовывает право сообщать сведения, касающиеся действия (бездействия) как его самого, так и других лиц — в целях воссоздания объективной картины событий, социальной справедливости, интересов правосудия и т. п. Это право допрошенного лица попирается изложением его показаний в ином виде и смысле, нежели им были даны.

Считаем, что не достоверность, а именно допустимость протоколов допросов страдает вышеописанными манипуляциями правоохранителей. Такие протоколы необходимо оценивать именно с точки зрения допустимости, а не достоверности. Ведь сам по себе установленный факт искажений влечёт недопустимость и не требует, как в случаях с потенциально недостоверными доказательствами, более объемных усилий и процессуального времени для оценки в совокупности с другими доказательствами.

Описанные нарушения ч. 2 ст. 190 УПК РФ посягают на состоятельность уголовного процесса, нивелирует не только и без того ограниченные возможности адвоката по собиранию и представлению доказательств, но и других не облеченных властью участников уголовного судопроизводства. Например, рассмотрев ходатайство адвоката о общении с материалами уголовного дела документа, содержащего подтверждающие позицию доверителя сведения, но ставящие под сомнение

обоснованность обвинения, следователь самостоятельно определил круг лиц, способных, на его взгляд, своими показаниями закрепить или опровергнуть доказательственную силу этого представленного адвокатом документа. Может возникнуть опасность того, что вышеописанными манипуляциями следователь сведет на нет перспективу преобразования документа в доказательство, а в последующем ситуация усугубится существованием порочной правоприменительной практики приоритета оглашенных в суде показаний перед произнесенными в этом же суде.

Ненадлежащая оценка описываемых в настоящей статье протоколов допросов со стороны руководства органов дознания и предварительного следствия, прокуроров и судом развязывает следователям и дознавателям руки до такой степени, что последние банально начинают копировать свои творения из допроса одного лица в допрос другого (других).

Способствовать решению проблемы могли бы:

— искоренение нигилистского подхода к записи показаний путем надлежащих контроля и оценки со стороны руководителей органов предварительного расследования, прокуроров и судов;

— достаточная осведомленность граждан и организаций о праве пользоваться квалифицированной юридической помощью независимо от процессуального статуса и необходимости и важности реализации этого права;

— достаточный уровень квалификации и активности адвокатов при оказании квалифицированной юридической помощи допрашиваемым и *post factum* допрошенным лицам.

Более подробно останавливаясь на последнем пункте данного перечня, следует указать на необходимость как своевременного реагирования на содержание протокола, так и доказывания недопустимости протоколов допросов — с помощью лингвистических и психолого-психиатрических исследований и экспертиз. Так, привлеченный адвокатом специалист-филолог в ряде случаев в состоянии установить, что словарный запас допрошенного в судебном заседании лица является более бедным и значительно отличается от словарного запаса этого же лица в протоколе допроса, и в конечном итоге дать заключение о том, что показания, данные в ходе допроса на предварительном следствии лицом и зафиксированные следователем в протоколе допроса, не могли быть даны указанным лицом [5, С. 122].

В России сложился смешанный тип уголовного процесса, когда досудебное производство зиждется на розыскных основах, а судебное — на состязательных. Нашей стране, как и многим другим странам, мощ-

ный толчок для последующего кодификационного процесса дал Кодекс Наполеона, для которого было характерно четкое деление на: тайное, письменное и не состязательное досудебное производство; гласное, устное, состязательное судебное разбирательство [1, С. 295]. Тайность российского уголовного процесса, с которой, кстати, соглашаемся, и совершаемые в масштабах страны и нарушающие УПК РФ действия по фиксации сведений от допрошенных лиц — породили между собой опасное для правосудия и всех этих допрошенных лиц сочетание, составляющее участников судопроизводства тратить жизненные силы на выяснение и борьбу с тем, чего аргіогі быть не должно. Еще одной стороной данной проблемы является дискредитация правоохранителей самими себя, а значит, и всей правоохранительной системы в целом.

Список литературы:

1. Гуценко, К. Ф., Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. А. Головкин, Б. А. Филимонов. — М., — 2002. — 295 с.
2. Кипнис, Н. М. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Н. М. Кипнис. — М., — 2000. — 83 с.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Ю. Девятко, Г. И. Загорский, М. Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г. И. Загорского. — М.: Проспект, — 2016. — 1216 с.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Д. Агамов, Р. Х. Батхиев, Т. А. Боголюбова и др.; под ред. А. Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. — М.: НОРМА, — 2004. — 456 с.
5. Конин, В. В. Оценка показаний в уголовном судопроизводстве / В. В. Конин // Современное право. 2018. № 7–8.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 281.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — М.: Наука, — 1968. — Т. 1. — С. 295.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е.К. Антонович, Е.А. Артамонова, Д. П. Великий и др.; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. III–IV.

Статус устных пояснений в уголовном процессе

В статье анализируется проблематика использования устных пояснений, занесенных в протокол следственного действия, в качестве доказательств; анализируется порядок и условия их оглашения в ходе судебного следствия; делается вывод о недопустимости замены свидетельских показаний и показаний обвиняемого иным документом.

Ключевые слова: доказывание, уголовный процесс, устные пояснения, протокол, судебное следствие.

Status of Oral Explanations in Criminal Proceedings

Abstract. The article analyzes the problems of using oral explanations recorded in the protocol of the investigative action as evidence; the procedure and conditions for their announcement during the judicial investigation; it is concluded that it is inadmissible to replace the witness testimony and testimony of the accused with another document.

Keywords: proof, criminal procedure, oral explanations, protocol, judicial investigation.

В научной литературе поднимался вопрос как о самой возможности, так и о порядке оглашения иных устных сообщений о фактах, данных лицом суду или органам предварительного расследования при проведении различных процедур (в ходе судебного контроля, на предварительном слушании и пр.), а равно вне уголовного дела [2, С. 224; 3, С. 9, 132; 4, С. 30].

С. Б. Россинский, исследуя вопрос о том, как соотносятся результаты «невербальных» следственных и судебных действий с иными средствами познания, считает подход законодателя, относящего к показаниям сведения, сообщенные именно в ходе допроса, недостаточно полным и требующим расширенного толкования. Он отмечает, что «в настоящее время в соответствии с действующим законодательством ни указанные заявления, ни объяснения, зачастую, имея существенное значение для дела и, по сути, напоминая показания, формально таковыми признаны быть не могут, поскольку не являются результатом допроса» [5, С. 150]. С его точки зрения, при производстве любого «невербального» следственного действия (осмотра, обыска и т. д.) следователь, дознаватель, суд должны быть вправе получать от участников, присут-

ствующих в судебном заседании, конкретные устные сведения и в дальнейшем признавать их полноценными показаниями «при условии гармоничного сочетания требований процессуальной формы, предъявляемых к получению соответствующих видов доказательств» [5, С. 158].

Соглашаясь в целом с мнением С. Б. Россинского о нецелесообразности обесценивания устных объяснений и заявлений, данных в ходе осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента и т. д., отметим разное толкование термина «показания» в существующей судебной практике.

Согласно ст. 76 УПК РФ показания подозреваемого — это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями статей 187–190 УПК РФ. Устные пояснения, полученные при производстве иных следственных действий, не относятся к показаниям подозреваемого, данных им при допросе.

При признании такого рода сведений полноценными показаниями (хотя и полученными при производстве иных следственных действий, а не в ходе допроса), оглашение их возможно с соблюдением процессуальных гарантий, установленных законом применительно к оглашению показаний допрашиваемых лиц, в том числе при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами (например, путем проведения очной ставки). Впрочем, соблюдение этого условия в большинстве случаев определяет необходимость допроса лица, ранее сообщившего определенного рода сведения, в соответствии с требованиями статей 78, 79 УПК РФ. Закрепление в протоколе допроса искомой информации снимает коллизии между практикой и требованиями процессуальной формы. Так, Н. В. Азаренок отмечает: «Если же следователю необходимы какие-либо пояснения лица по обстоятельствам, обнаруженным в ходе проводимого следственного действия, то следует получить от него объяснения или провести его допрос» [1, С. 57].

Конституционный Суд РФ придерживается более строгого подхода к допустимости оглашения документов, которые содержат объяснения подсудимого, данные им в том или ином процессуальном статусе в досудебном производстве (явки с повинной, жалобы, ходатайства): «...статья 285 УПК Российской Федерации, предусматривающая общий порядок оглашения протоколов следственных действий и иных документов, не содержит предписаний об оглашении в судебном заседании ранее данных показаний, которые в силу требования ч. 2 ст. 240 того же Кодекса

оглашаются в порядке, предусмотренном его статьями 276 и 281 (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2010 г. № 1539-О-О, от 21 декабря 2011 г. № 1646-О-О и от 28 января 2016 г. № 93-О)».

Для сравнения отметим, что позиция Верховного суда Республики Казахстан «о некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам» (нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 20 апреля 2006 г. № 4) по подобному вопросу более категорична: пояснения обвиняемого, признавшего вину в совершенном преступлении, данные при проведении экспертизы и отраженные в заключении эксперта, не должны признаваться в качестве доказательства.

Таким образом, пояснения, сделанные лицами не в ходе допроса, подлежат оглашению с соблюдением процессуальных гарантий, предусмотренных для оглашения показаний подсудимого, потерпевшего и свидетеля. К тому же замена свидетельских показаний иным документом не отвечает требованиям ч. 2 ст. 11, п. 3 ч. 2 ст. 42, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, замена иным документом показаний обвиняемого — требованиям п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Список литературы:

1. Азаренок Н. В. Почему в протокол осмотра места происшествия нельзя вносить объяснения участников / Н. В. Азаренок // Уголовный процесс. — 2018. — № 10. — С. 57.
2. Гришин С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты) / С. П. Гришин. — М., Юрлитинформ, — 2008. — С. 224.
3. Кучерук Д. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д. С. Кучерук. — Н. Новгород, 2011. — С. 9, 132.
4. Малый О. И. Допрос свидетеля адвокатом на следствии и в суде / О. И. Малый // Уголовный процесс. — 2012. — № 7. — С. 30.
5. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С. Б. Россинский. — М., 2016. — 525 с.

Когнитивное интервью при допросе на предварительном расследовании

В статье анализируется метод когнитивного интервью как средство получения доказательственной информации в процессе производства допроса. Предлагается использование данного типа допроса в отношении потерпевших и свидетелей. Авторами приводится модель процесса проведения допроса с применением когнитивного интервью.

Ключевые слова: допрос подозреваемого, когнитивное интервью, избличающий допрос.

Cognitive Interview during Interrogation on Preliminary Investigation

Abstract. The article analyzes the method of cognitive interview as a means of obtaining evidence information during the interrogation process. It is proposed to use this type of interrogation in relation to victims and witnesses. The authors give a model of the interrogation process using a cognitive interview.

Keywords: interrogation of the suspect, cognitive interview, exposing interrogation.

На протяжении многих лет в научной юридической литературе поднимается вопрос о понятии доказательств и доказательственной информации. Сам процесс доказывания представляется научно-познавательным, информативным и содержательным механизмом, который, в свою очередь, позволяет добавлять, аккумулировать, обрабатывать внедрять и применять доказательственную информацию при расследовании преступлений. Заметим, что и до настоящего времени в науке остается открытым вопрос о сущности информации, ее функций в процессе доказывания и об ее механизме восприятия и передачи от одного субъекта доказывания другому.

В свое время Н. Винер считал, что «информация — это понятие наполнения, приобретенного из внешнего мира, путем нашего приспособления к нему и немного позже приспособления к нему наших органов чувств» [1, С. 31]. Он также объяснял, что информация — это степень организованности. Задавая себе вопрос о том, является ли инфор-

мация степенью организованности, И. Новик предлагал, что «информация — это степень системного отражения (отображения)» [11, С. 60]. При всех различных мнениях о сущности информации, мы разделяем мнение, что информация — это сведения, сообщения о фактах действительности происшествия, механизмах, явлениях [3, С. 31].

Наибольшее число исследователей со строгими убеждениями диалектического материализма, убеждены, что информация это своеобразное свойство материи, которая не существует сама по себе, а проявляется только при возникновении потребителя. Необходимо понимать, что в данном случае нас интересует информационная сторона данной материи. «Все возможное преобразование в окружающей среде обязательно связано с каким-либо событием. В свою очередь, преобразование в окружающей среде сопровождается наступлением и событием, наступление происшествия провоцирует преобразование в окружающем мире» [8, С. 35–44].

Допрос можно отнести к одному из наиболее сложных видов следственных действий, в котором посредством коммуникации между следователем и допрашиваемым, извлекается информация, имеющая доказательственное значение [2, С. 229–233; 4, С. 9; 5, С. 120–125; 7, С. 85–88].

Исследуя сущность допроса как информационной составляющей процесса доказывания, мы предполагаем, что в нем обнаруживается и фиксируется информация, которая часто находится в состоянии «конфликта» с желанием самого допрашиваемого лица. Существование классификации допроса на конфликтную ситуацию и бесконфликтную уже не оспаривается в науке криминалистики. Поэтому мы придерживаемся точки зрения, что при конфликтной ситуации допроса информация в мыслительном процессе лица отображается не в полном объеме, и тем более отдается им субъекту доказывания еще в меньшем объеме.

Проводя исследование рабочего времени следователей Следственного отдела по Московскому району города Калининград Следственного управления Следственного комитета России по Калининградской области, мы получили результат, который зафиксировал показатель в 25% от всего рабочего времени, которое тратится на подготовку и проведение именно допроса. И при этом следователь должен иметь один или несколько тактических приемов, которые возможно применить при ситуации информационной неопределенности допроса. Но кроме тактических приемов в таких ситуациях метод когнитивного интервью будет способствовать получению максимально подробных фактов относительно произошедшего события от потерпевшего или свидетеля. Когни-

тивное интервью — это метод получения достоверной, исчерпывающей личностной (субъективной) информации от потерпевших и свидетелей преступления о признаках внешности, поведении преступника (преступников) и обстоятельствах содеянного им (ими) на основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии. Когнитивная психология — включает в себя такие элементы, как анализ, исследование, изучение, проработку и апперцепцию вербального и визуального восприятия полученных данных в человеческой памяти. Все это является основой метода когнитивного интервью.

Существует мнение о том, что человек помнит абсолютно все из своей жизни, начиная с момента своего рождения. Но без определенной методики воссоздать это в реальной ситуации сложно, почти невозможно. Сам по себе метод когнитивного интервью был создан американскими экспертами Рональдом Фишером и Эдвардом Гейзелеманом. Первое применение в следственной практике данного метода состоялось в 1992 г.: «был осуществлен прорыв в сфере получения значимой для следствия информации методом когнитивного интервью, эффективность которого оказалось почти 50% выше в сравнении с классической формой допроса» [9, С. 146–149; 10, С. 48–50].

В России же данный метод стал использоваться относительно недавно. Так, за 2014 г. психологи Главного управления криминалистики Следственного комитета России приняли участие в 180 мероприятиях по активизации памяти свидетелей и потерпевших, что на 20% больше, чем в 2013 году. При этом численность таких мнемоспециалистов за последние 2 года удвоилась. По словам психологов Следственного комитета Российской Федерации, свидетели и потерпевшие часто не помнят некоторых фактов происшествия. Данный метод помогает вспомнить подробности случившегося, а также подробности преступления и облика личности, совершившего преступление. Специалисты Следственного комитета России признаются в использовании когнитивного интервью, ссылаясь на то, что это далеко не новая методика. Она уже давно используется в таких странах, как США, Великобритания, Германия, Новая Зеландия, Бразилия и напоминает способ допроса, разработанный когда-то советскими криминалистами.

В настоящее время данный метод активно применяется при допросе свидетелей и потерпевших при воссоздании воспоминаний по таким уголовным делам, как убийства, изнасилования, насильственные действия сексуального характера (статьи 105, 131, 132 УК РФ).

Цель когнитивного интервью заключается в том, чтобы «при помощи соответствующих приемов стимулировать разнообразные слои

памяти допрашиваемого лица, т. е. помочь ему вспомнить значимые для процесса доказывания факты, обстоятельства, моменты, признаки» [6, С. 376–383].

В науке имеется обилие всевозможных предположений по выстраиванию модели проведения когнитивного интервью с потерпевшими и свидетелями. Нам представляется, что основополагающими пошаговыми правилами такого допроса являются:

— Этап вводный, на котором следователь дает возможность допрашиваемому лицу успокоиться, освоиться с обстановкой. Далее идет установление психологического контакта, который заключается в доброжелательном тоне голоса следователя, в обстановке взаимопонимания и сотрудничества. Следующий шаг очень сложный, но в тоже время важен — следователю необходимо убедить допрашиваемого в том, что именно от него зависит исход дела, мотивировать его на активную работу в поиске важной информации в его же памяти. И главное, чтобы эта информация оказалась достоверной, истинной.

— Этап свободного рассказа. Он состоит из рассказа в свободной форме потерпевшего или свидетеля с акцентами на детали ситуации (например, погода, самочувствие, откуда и куда передвигался допрашиваемый и др.). Кроме того, следователю необходимо внимательно слушать, не перебивать и не сбивать допрашиваемого, а в случае длительного молчания, позволить человеку вспомнить и не отвлекать его от воспоминаний.

— Этап «пробоин кодов» памяти. Задача следователя сосредоточить внимание памяти допрашиваемого на воссоздании определенной небольшой ситуации события. В данном случае допрашиваемый должен иметь возможность «окунуть» себя в привычную обстановку для концентрации памяти (он может закрыть глаза, может ходить по кабинету и др.) В данный момент следователь может просить допрашиваемое лицо более подробно описать объект (например, детализировать отдельные объекты).

— Этап обзорный. Он заключается в повторной постановке вопросов следователем и повторном получении информации от допрашиваемых лиц. На данном этапе следователь проводит сравнение сказанной допрашиваемым лицом и описанной в протоколе допроса информации. В данном случае при припоминании новой информации следователь будет иметь возможность дополнить протокол допроса.

При благоприятном и доброжелательном исходе результатов и взаимоотношений между следователем и допрашиваемым лицом можно рассчитывать на помощь последнего и в дальнейшем.

Список литературы:

1. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. М., — 1958. — 200 с.
2. Зашляпин Л.А. Формальные средства в допросе / Л. А. Зашляпин // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., — 2018. — С. 229–233.
3. Иванов С. Г. Некоторые философские вопросы кибернетики / С. Г. Иванов. М., — 1960. — 56 с.
4. Калиновский К. Б. Правила допроса соучастников / К. Б. Калиновский // Уголовный процесс. 2015. — № 3 (123). — С. 9.
5. Конин В. В. Оценка показаний / В. В. Конин // Современное право. 2018. № 7–8. С. 120–125.
6. Короленко Ц. П. Личностные расстройства / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – М., – 2010. – 396 с.
7. Корсаков К. А. Проблемы выявления, фиксации и использования невербальной информации в процессуальных действиях вербального характера / К. А. Корсаков // Процессуальные действия вербального характера. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. СПб., – 2017. – С. 85–88.
8. Корюкин В. И. Вероятность и информация / В. И. Корюкин // Вопросы философии. – 1965. – № 8. – С. 35–44.
9. Крамаренко В. П. Преодоление ошибок в свидетельских показаниях методами когнитивного интервью / В. П. Крамаренко, М. В. Родионова // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов: сборник научных статей. В 2 ч. Часть 1. — Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, — 2017. — С. 146–149
10. Крамаренко В. П. Ситуационное моделирование в превенции ошибок в тактике допроса несовершеннолетних / В. П. Крамаренко // VII Балтийский юридический форум «Закон и порядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. – Калининград. – 2019. – С. 48–50.
11. Новик И. Кибернетика. Философские и социологические проблемы / И. Новик., – М., – 1963. – 207 с.

Сидоренко Е.В., Конин В.В., Ковалева М.Г.

Психология допроса и критерии допустимости психологического воздействия в ходе проведения допроса

В статье исследуются факторы, учет которых позволяет следователю выстроить необходимую линию поведения при производстве допроса и добиться получения требуемой информации, а также критерии допустимости психологического воздействия в ходе проведения допроса.

Ключевые слова: психология допроса, допрос, следователь, информация, тактика допроса, бесконфликтная ситуация, конфликтная ситуация.

Psychology of Interrogation and Criteria for the Admissibility of Psychological Influence in Interrogation Process

Abstract. The article examines the factors that allow the investigator to build the necessary line of communication during the interrogation and obtain the required information, as well as the criteria for the admissibility of psychological influence during the interrogation.

Keywords: psychology of interrogation, interrogation, investigator, information, tactics of interrogation, conflict-free situation, conflict situation.

Наука уголовного процесса и криминалистики наработала достаточно большое количество рекомендаций, знание и применение которых в практической деятельности значительно облегчает работу следователя, и повышает ее эффективность. Это относится и к допросу, как к одному из наиболее распространенных следственных действий. От качества проведения допроса на досудебной стадии зачастую зависит обоснованность выдвинутого обвинительного тезиса в отношении лица, который будет проверен судом в ходе рассмотрения уголовного дела [1, С. 229–233; 2, С. 85–88; 5, С. 97–104].

На практике при проведении допроса следователи редко прибегают к знаниям психологии, к использованию тактических приемов для получения основного результата — установления криминалистически значимых данных. Обычно следователи это объясняют большой загруженностью в работе и нехваткой времени для подготовки допроса, обдумывания тактики своего поведения.

Как правило, все лица, дающие показания в ходе судебного следствия, ранее уже допрашивались на стадии предварительного рассле-

дования, имея различный процессуальный статус. Но, тем не менее, достаточно часто показания, данные указанными лицами в процессе судебного следствия, расходятся с показаниями, которые были даны на предварительном следствии, и зафиксированы следователем в протоколе допроса.

Причинами изменения показаний могут являться не только недобросовестность или заблуждение допрашиваемого, но и недобросовестность следователя, которая выражается как в навязывании свидетелю своей точки зрения, так и свободной интерпретации следователем показаний допрашиваемого, а также преувеличение следователем своих профессиональных возможностей и сознательное игнорирование криминалистических рекомендаций по тактике допроса, по применению технических средств фиксации хода и результатов допроса, кроме того, это может быть непрофессионализм и неопытность следователя, не позволяющие ему выяснить, какой информацией владеет допрашиваемое лицо, неумение оценить ее значимость для установления всех обстоятельств совершенного преступления, и, как следствие, невозможность получить необходимую для расследования уголовного дела информацию.

Перед следователем стоит задача провести допрос таким образом, чтобы сформировать доказательство, соответствующее критериям допустимости, относимости, достоверности.

В криминалистике допрос изучается как процесс коммуникации, в ходе которого происходит обмен информацией между сторонами. Даже если допрашиваемый отказывается от дачи показаний, коммуникация между следователем и допрашиваемым все равно имеет место. Точно также процесс коммуникации происходит и в ходе допроса в судебном разбирательстве.

Тактические приемы допроса, используемые следователем, должны подчиняться определенным требованиям: не противоречить уголовно-процессуальному закону; не оказывать на допрашиваемого такого влияния, которое может привести к ложным показаниям, к самооговору или оговору других лиц; не основываться на незаконных методах ведения допроса (насилие, угрозы и т. д.).

Интерес следователя будет заключаться в том, чтобы получить по максимуму информацию, в которой заинтересован следователь, с тем, чтобы выдвинутый обвинительный тезис был в полной мере обоснован. В то же время, позиция допрашиваемого всегда будет зависеть от частного интереса.

Мы полагаем, что готовясь к допросу, вне зависимости от процессуального статуса допрашиваемого, следователь должен иметь в виду

влияние на проведение допроса и получение значимой информации определенных факторов:

- времени, прошедшего от момента события, о котором допрашивается лицо, до момента допроса;
- состояния допрашиваемого в период совершения события, послужившего основанием для допроса;
- возраста допрашиваемого;
- мировоззрения допрашиваемого;
- следственной ситуации, сложившейся по делу и следственной ситуации, сложившейся в процессе допроса.

Каждый следователь должен знать о возможностях применения методов психологического воздействия.

К числу допустимых методов, не противоречащих закону, научные и практические работники относят метод убеждения, психологическое внушение, пример, метод изобличения и некоторые другие [3].

В зависимости от того, в какой форме протекает допрос, зависит применение того или иного тактического приема.

Так, если допрос проходит в бесконфликтной форме, тактические приемы нужны для того, чтобы помочь без навязывания вопросов допрашиваемому в припоминании и детализации сведений о событии (например, приемы смежности, сходности, контраста). Для определения состояния допрашиваемого рекомендуется применение методов, направленных на снятие напряжения (например, предварительная беседа, использование положительных качеств допрашиваемого, пресечение лжи).

В случае конфликтной ситуации, возникшей в ходе допроса, возможно применение других методов: внезапность вопроса, предъявление доказательств, допущение легенды, демонстрация возможностей расследования, и пр.

Существенное влияние на расследование может оказать факт участия защитника в допросе.

Допрос с участием защитника зачастую лишает следователя возможности постоянно обеспечивать доверительное психологическое общение с допрашиваемым. Не всегда защитник позволит следователю без помех перестраивать свою тактику в ходе допроса, использовать некоторые тактические приемы (например, такие, как использование слабых мест в психике допрашиваемого; следственная хитрость; форсированный или замедленный темп допроса и др.). Однако роль защитника в ходе допроса может быть оценена положительно, так как неизбежное продумывание следователем тактики, планирование и дополнительное

изучение материалов уголовного дела перед допросом неизменно должно привести к повышению качества расследования в целом.

В любом случае все тактические приемы должны основываться на законе и соответствовать нравственным требованиям [4, С. 219–224].

По нашему мнению, критерий допустимости применения тактического приема при расследовании преступлений следует понимать такой его признак, который указывает на возможность воспользоваться им в условиях создавшейся следственной ситуации.

Мы согласны с определением допустимости тактических приемов, которое дал С. Ю. Якушин еще в 1983 г. Это определение в полной мере остается актуальным. По его мнению, допустимость тактических приемов при расследовании преступлений представляет собой возможность применения этих приемов, обусловленную их соответствием требованиям законности, принципам ... нравственности, их научной обоснованностью, эффективностью и избирательностью. [6, С. 36]

Успех допроса зависит от того, насколько следователь умеет убеждать в своей правоте оппонента. Вряд ли следователь сможет добиться успеха в убеждении, если он слабо владеет речью, логикой, демонстрирует незнание психологии, не владеет тактическими приемами, в том числе преодоления противодействия, не умеет оказывать законное воздействие на допрашиваемое лицо.

Успех допроса зависит также от того, насколько следователь понимает свою задачу, насколько он владеет криминалистической тактикой.

Список литературы:

1. Зашляпин, Л. А. Формальные средства в допросе / Л. А. Зашляпин // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — СПб. — 2018. — С. 229–233.

2. Корсаков, К. А. Проблемы выявления, фиксации и использования невербальной информации в процессуальных действиях вербального характера / К. А. Корсаков // Процессуальные действия вербального характера. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. — СПб.: ИД «Петрополис», — 2017. — С. 85–88.

3. Курс криминалистики в 3-х томах / под ред. д. ю. н., проф. О. Н. Коршуновой. — СПб.: «Юридический центр», — 2016. — Т. 1. — 602 с.

4. Россинский, С. Б. О некоторых этических аспектах допроса в условиях действия современного уголовно-процессуального закона / С. Б. Россинский // Криминалистика — наука без границ: традиции и нова-

ции Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Составитель О.С. Лейнова. Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации (Санкт-Петербург). — 2019. — С. 219–224.

5. Сидоренко, Е. В. Допрос на досудебной стадии как подготовительный этап к допросу в судебном разбирательстве / Е. В. Сидоренко, В. В. Конин // Рос. правосудие. — 2019. — № 6. — С. 97–104

6. Якушин, С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений / С. Ю. Якушин. Казань, — 1983. — 102 с.

Стрелкова Ю.В.

Проблемы допустимости показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при рассмотрении уголовного дела в суде присяжных

В статье рассматривается проблематика запрета изучения данных о заключении досудебного соглашения в присутствии присяжных заседателей. Признавая допустимость допроса лица, заключившего досудебное соглашение, автор обосновывает необходимость сообщения коллегии присяжных процессуального статуса этого лица, в том числе, анализируя иные запреты, действующие при производстве в суде присяжных. По мнению автора, эта информация должна сообщаться председательствующим судьей на основе единого образца такого разъяснения.

Ключевые слова: суд присяжных, данные о личности, досудебное соглашение о сотрудничестве, судебное следствие.

Problems of Admissibility of Testimony of the Person Who Agreed to Pre-Trial Cooperation in a Criminal Case before a Jury

Abstract. The article discusses the prohibition problem of studying data of a pre-trial contracting in the presence of a jury. Recognizing the admissibility of interrogating a person who has entered into a pre-trial agreement, the author substantiates the need to inform the jury of the procedural status of this person, by analyzing other prohibitions in jury trial proceedings. According to the author, this information should be pronounced by the presiding judge on the basis of a uniform specimen of such explanation.

Keywords: jury trial, personal information, pre-trial cooperation agreement, judicial investigation.

Допустимость исследования в суде присяжных показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не может быть рационально оспорена, исходя из каких-либо специфических характеристик этой формы судопроизводства. До тех пор, пока институт досудебного соглашения существует в российском законодательстве, показания соучастников, использовавших соглашение, оказываются в числе доказательств по иным уголовным делам независимо от формы их рассмотрения. Вместе с тем определение показаний соучастника в качестве допустимого доказательства вызывает ряд специфичных вопросов, связанных с особенностями производства в суде присяжных.

Ключевой проблемой в этом случае оказывается вопрос о сообщении присяжным информации о заключении досудебного соглашения с допрашиваемым в их присутствии лицом. Судебная практика рассматривает такое информирование коллегии как нарушение, которое может повлечь, при определенных условиях, отмену вынесенного приговора (например, см. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2019 г. № 33-АПУ19-23сп). Этот подход справедливо критикуется отдельными авторами [2, С. 42–45], однако при общем согласии с их позицией, не во всех случаях можно согласиться и с предлагаемой аргументацией. По этой причине представляется важным рассмотреть запрет на сообщение сведений о досудебном соглашении в контексте иных ограничений, действующих при производстве в суде присяжных.

Сообщение сведений о заключении досудебного соглашения допрашиваемым лицом может быть связано с двумя «классическими» ограничениями, действующими в суде присяжных: запретом на исследование процессуальных вопросов и ограничением изучения данных о личности участников процесса. Рассмотрение сообщения сведений о заключенном досудебном соглашении в двух указанных ракурсах позволит оптимально проанализировать природу запрета на сообщение этих данных и, соответственно, его обоснованность.

Отнесение рассматриваемых данных к категории процессуальной информации следует из позиции Пленума Верховного Суда РФ, перечисляющего отдельные виды процессуальных вопросов, не подлежащих исследованию в присутствии присяжных заседателей: «постановление о выделении в отдельное производство уголовного дела в отношении соучастника преступления и процессуальные решения по такому делу» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 № 23, п. 21). Общая логика запрета на изучение данных этой категории связывается с их выходом за пределы компетенции присяжных

и способностью вызывать предубеждение у коллегии в отношении подсудимого и «других участников процесса». Соответственно, вопрос о способности таких данных вызывать предвзятость имеет двойное значение: самостоятельное (вне зависимости от отнесения к числу процессуальной информации) и в качестве признака определенных процессуальных сведений.

Запрет на изучение данных о личности участников. Общий запрет изучения данных о личности участников процесса (помимо подсудимого) был сформулирован судебной практикой [3, С. 1218–1219]. Таким образом, положение, существенно ограничивающее процессуальные возможности сторон, не имеет нормативного закрепления и обосновывается судами комплексным толкованием ряда процессуальных норм. Запрет равным образом распространяется на все возможные процессуальные источники получения информации о личности (показания свидетелей, потерпевшего, подсудимого, любые письменные материалы), что позволяет рассматривать его и самостоятельно, без привязки к «процессуальным данным». Представляется, что способ его закрепления нельзя считать надлежащим: едва ли возможно преодолеть волю законодательной власти, указавшей лишь на ограничения в исследовании данных о личности подсудимого (вероятно, признавая необходимость исследования данных о личности других участников для проверки достоверности их показаний), путем расширительного судебного толкования.

Однако, несмотря на критическое отношение к самому способу легализации запрета на изучение данных о личности свидетелей, лица заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и потерпевшего, его необходимо проанализировать в целях настоящей статьи ввиду сложившейся правоприменительной практики. Ключевой вопрос в этом случае состоит в способности информации о факте заключения досудебного соглашения вызывать эффект предвзятости в оценке показаний, в том числе с учетом обстоятельств судебного допроса.

Допрос лица, заключившего досудебное соглашение, как правило, происходит в атмосфере очевидности его лишения свободы, и при таких условиях необходимость скрывать данные о процессуальном статусе участника именно в контексте его привлечения к уголовной ответственности объективно отсутствует: для коллегии присяжных очевидно, что допрашиваемое лицо привлекается или привлечено к уголовной ответственности, находится под контролем правоохранительных органов, дает показания против подсудимого. Неочевидным для присяжных остается лишь вопрос наличия соглашения и его легальной, либо неправо-

вой основы. Представляется, что в таком контексте возникновение субъективных выводов (любой направленности) о мотивации допрашиваемого неизбежно изначально, ввиду чего предоставление объективной информации о существовании досудебного соглашения является одним из способов обеспечения адекватного восприятия показаний. Без таких сведений показания лица могут восприниматься присяжными на основе любых установок и предположений, возможно, даже более критичных, чем при обладании ими достоверной информацией о статусе допрашиваемого соучастника.

Вместе с тем, несмотря на очевидность отличий в положении лица, заключившего досудебное соглашение, от положения иных свидетелей, его процессуальный статус может оцениваться присяжными как статус свидетеля, пока им не сообщено иное. Аналогичным образом (как свидетель) это лицо будет восприниматься и в том случае, если стороной обвинения будет найден способ допросить его в нейтральной обстановке, лишенной визуальных атрибутов, ассоциирующихся с лишением свободы.

Представляется, что с момента выделения в уголовно-процессуальном законодательстве нового участника в обоих указанных случаях происходит молчаливая подмена доказательств в восприятии присяжных. Эта подмена критична не только из-за самого факта введения в заблуждение коллегии присяжных, но и ввиду содержания скрываемых сведений: под видом показаний свидетеля (нейтрального участника) демонстрируются показания лица, заведомо имеющего собственный процессуальный интерес в рассматриваемом деле. Именно наличие такого интереса послужило основой создания нового процессуального статуса. Как указал Конституционный Суд РФ, «такое лицо сохраняет процессуальный интерес в исходном уголовном деле, в рамках которого было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку предъявленное ему обвинение непосредственно связано с обвинением, предъявленным лицу, считающемуся его соучастником и являющемуся подсудимым по основному делу... в связи с этим сообщаемые обвиняемым по выделенному уголовному делу сведения... определенным образом затрагивают и его личные интересы» (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40¹ Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко»). Наличие собственного интереса в этом случае оказывается важным и в контексте оценки достоверности показаний.

Проблемы компетенции. Как было указано ранее, Пленум Верховного Суда РФ, выделяя блок «правовой» информации, запрещенной к изучению в присутствии присяжных, указывал и на ее выход за пределы компетенции коллегии. Эта оценка справедлива по отношению к иным видам сведений, перечисленным в соответствующем пункте Постановления: процессуальные решения (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого), обсуждение и разрешение вопросов и ходатайств, направленных на обеспечение условий судебного разбирательства, вопросы, касающиеся меры пресечения. До принятия изменений в УПК РФ, когда заключивший соглашение соучастник имел статус свидетеля, и его нейтральность, таким образом, презюмировалась, изучение сведений о выделении его дела действительно, с определенными оговорками, было бы схоже с остальными видами данных, указанных в Постановлении. Вместе с тем изменение процессуального статуса такого соучастника, во-первых, подчеркнуло его заинтересованность в даче показаний и отличие от свидетеля, и, во-вторых, изменило вид доказательства, получаемого при его допросе. Таким образом, после принятия поправок в УПК РФ эта информация стала необходимой для оглашения присяжным в целях обеспечения надлежащего понимания ими вида исследуемого доказательства.

Признавая необходимость сообщения информации о заключении досудебного соглашения, мы полагаем важным определить и форму доведения таких сведений. С учетом самой специфики института досудебного соглашения, неоднозначного отношения к нему даже со стороны научного сообщества, едва ли возможно отрицать, что разъяснение его сути присяжным требует особо взвешенного и тщательного подхода. По этой причине такая информация, на наш взгляд, должна предоставляться в форме разъяснения председательствующего судьи, основанного на стандартном унифицированном тексте.

Практика создания унифицированных текстов для разъяснения присяжным правовых вопросов (модельных инструкций) знакома ряду стран общего права. Робкая попытка воспринять этот опыт была принята в научно-практическом пособии Верховного Суда РФ, содержащем «вариант напутственного слова», по сути, представляющего собой различные вариации разъяснения норм материального уголовного права и рекомендации по составлению остальных блоков напутствия [1, С. 181–232].

Представляется, что эта практика приобретает критически важное значение в разъяснении сложных правовых вопросов, в том числе и тех, которые сложно разъяснить дозированно и нейтрально, как в случае с

разъяснением содержания института досудебного соглашения. Безусловно, пределы разъяснений, как и конкретные формулировки, должны стать в этом случае предметом широкого обсуждения научного сообщества и практиков уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Алексеева, Л. Б. Рассмотрение дел судом присяжных. Научно-практическое пособие / Л. Б. Лебедева, Е. П. Кудрявцева, П. А. Лупинская, Л. Г. Поспеева, Н. В. Радутная, А. П. Шурыгин, отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрид. литература, — 1998. — 288 с.
2. Кулаков, А. А. К вопросу о допустимости допроса лиц, сотрудничающих с правосудием, в качестве свидетелей и оглашения их показаний в суде с участием присяжных заседателей / А. А. Кулаков // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 2–7. — С. 42–45.
3. Насонов, С. А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению / С. А. Насонов // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 6. — С. 1215–1221.

Эйвазов А.Х.

Проблема допустимости свидетельских показаний по уголовным делам о преступлениях против правосудия

Особое место в системе средств доказывания по уголовным делам против правосудия занимают свидетельские показания. Складывающаяся судебно-следственная практика свидетельствует, что вопрос допустимости свидетельских показаний имеет особое практическое юридическое значение по данной категории дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, криминалистика, свидетель, показания, преступления против правосудия.

The Problem of Admissibility of Testimony in Criminal Crime Cases against Justice

Abstract. Testimony occupies a special place in the system of means of evidence in criminal cases against justice. The emerging judicial and in-

vestigative practice shows that the issue of the admissibility of witness testimony is of particular practical legal significance in this category of cases.

Keywords: criminal procedure, criminalistics, witness, testimony, crimes against justice.

Один из древнеримских принципов судебного процесса как по уголовным делам, так и по гражданским выражался в императиве «*impuris manibus nemo accedat curiam*» (от лат. «пусть никто не приближается к суду с нечистыми руками»), который выступал руководящим началом для всех участников процесса, особенно для имеющих высокое звание юристов как представителей особого сословия.

Великий древнеримский юрист Ульпиан, обозначая функцию и предназначение юристов, раскрыл сущность юриспруденции следующим образом: «По заслугам нас называли жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой» [1].

Современное состояние уголовной политики в сфере борьбы с преступностью согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018 г. отмечается резким ростом на 6 % числа осуждений по преступлениям против правосудия (глава 31 УК РФ). Преступления против правосудия отличаются высокой степенью латентности, в криминологическом плане можно отнести, используя терминологию американского криминолога Э. Х. Сатерленда, к так называемым «беловоротничковым преступлениям» [2, С. 48].

В ходе диссертационного исследования воспринята позиция видного советского юриста-ученого Я. М. Кульберга, который требовал строго разделять преступления против правосудия на две группы по признакам субъекта преступления:

- 1) преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами;
- 2) преступления против правосудия, совершаемые отдельными гражданами [4, С. 8–9].

Обращает на себя внимание, что собственно преступления против правосудия, совершенные должностными лицами правоохранительных и судебных органов обуславливаются наличием специального субъекта преступления, имеющего высшее юридическое образование, осведомленного о тактике и методике работы судебно-следственных органов,

обладающего авторитетом в кругу коллег, имеющих возможность использования соответствующих властных должностных полномочий или влияния на лиц, которые имеют возможность принятия тех или иных процессуальных решений. Данные обстоятельства безусловно диктуют объективный характер повышенной конфликтности следственной ситуации, влияют как на круг подлежащих допросу свидетелей, так и на характер и формулировки задаваемых свидетелям вопросов в ходе соответствующих следственных и судебных действий [3, С. 503].

Следует отметить, что в соответствии с положениями п. 4 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознавателями органов Федеральной службы судебных приставов предварительное расследование в форме дознание производится по ряду уголовных дел о преступлениях против правосудия, предусмотренных ч. 1 ст. 294, ст. 297, ч. 1 ст. 311, ст. 312, ст. 315 УК РФ.

В интересах обобщения следственной практики по рассмотрению уголовных дел, подследственных ФССП России, был выработан ряд методических рекомендаций по выявлению и расследованию преступлений против правосудия, применяемых в ходе дознания. В частности в Методических рекомендациях ФССП России по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 294 УК РФ (воспрепятствование осуществлению правосудия) от 5 апреля 2012 г., содержится специальный раздел № 7, именуемый как «особенности производства дознания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 294 УК РФ», в котором отражен требуемый в качестве обязательного методический подход к организации деятельности дознавателя по собиранию и закреплению доказательств, определяя необходимый круг средств доказывания по данному составу преступления, включающие допрос, очную ставку и производством судебной экспертизы.

Вместе с тем особо подчеркнуто в данных Методических рекомендациях, что «при расследовании преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 294 УК РФ, допрос является одним из наиболее важных следственных действий», из чего следует вывод о том, что органы ФССП России в своей деятельности отдают предпочтение именно свидетельским показаниям как основному средству доказывания по данной категории дел.

При этом самым первым вопросом в вопросном списке стоит: «страдал ли психическими заболеваниями, состоял ли на учете у психиатра, проходил ли стационарное лечение в психиатрической больнице и где».

Конечно, можно возразить относительно того, что данный вопрос является совершенно типичным при допросе, однако, если внимательно ознакомиться с полным списком вопросов, задаваемых в соответствии с

вышеназванными Методическими рекомендациями, то никаких иных вопросов, которые по общему обыкновению задаются допрашиваемому не упомянуто. Дело в том, что в судебной практике по уголовным делам о преступлениях против правосудия зачастую встречаются случаи применения иной меры уголовно-правового характера — принудительных мер медицинского характера, поскольку судебно-следственные органы затрудняются объяснить поведенческий характер таких форм преступных посягательств, как поедание протоколов и иных документов из дел, выкрадывание уголовных дел из канцелярии суда с последующим их сожжением и так далее.

В специальном Письме ФССП России от 27.07.2016 № 00043/16/68200-BB «Об организации выявления и расследования преступлений по ч. 1 ст. 294 и ст. 297 УК РФ» приводится статистика рассмотрения данных дел органами предварительного расследования и судом. К примеру, по ст. 297 УК РФ в производстве в 2015 г. находилось 240 уголовных дел. Из них окончено производством 125 уголовных дел, что составляет 52 % от общего числа находившихся в производстве дел. В суд с обвинительным актом направлено 101 уголовное дело. Таким образом, эффективность вышеуказанной методики организации расследования уголовных дел о преступлениях против правосудия, производимых ФССП России говорит сама за себя.

При изучении судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия в отношении бывших сотрудников правоохранительных и судебных органов, а также адвокатов выявлена закономерность того, что в итоговых судебных решениях судов первой и апелляционной инстанций практически повсеместно используется фидуция (от лат. *fiducia* — вера, доверие). К примеру, когда лицо заявляет в ходе судебного разбирательства о давлении во время предварительного расследования, суды практически единогласно указывают на то, что замечаний на протокол следственного действия в порядке ч. 6 ст. 166 УПК РФ не подавалось, жалоб в порядке статей 124–125 УПК РФ не подавалось. Автор полагает, что наличие высшего юридического образования и специальных познаний в сфере юриспруденции выступают обстоятельством, которое толкуется сугубо против допрашиваемого по данной категории уголовных дел, которые по справедливому утверждению прокурора уголовно-судебного отдела прокуратуры Санкт-Петербурга В. В. Рамазанова «не относятся к общеуголовным преступлениям».

При этом уголовные дела о преступлениях против правосудия отмечаются таким парадоксальным обстоятельством, что в судебное засе-

дание зачастую приглашается в качестве свидетеля собственно лицо, производившее предварительное расследование, особенно следователь СК России, показания которого судом принимаются в качестве доказательств вины подсудимого. Обращает на себя внимание, что инициатором вызова следователя является зачастую сторона защиты, которая пытается посредством допроса следователя выявить нарушения уголовно-процессуального закона, однако, на протокольный вопрос суда «Нарушали закон? Допускали незаконные методы воздействия?» — Следователь гордо отвечает: «Предварительное следствие осуществлял в строгом соответствии с УПК РФ, незаконных и недопустимых методов не допускал».

В судебных приговорах первой инстанции при оценке данных показаний суд указывает: «Оснований не доверять показаниям свидетеля не имеется, поскольку данное лицо предупреждено об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, заинтересованности в исходе дела не имеется».

Получается, что сторона защиты в своей тактической попытке уличить в судебном заседании следователя в нарушении норм уголовно-процессуального закона в ходе предварительного расследования, своими собственными руками вводит в уголовное дело свидетеля обвинения, который своими показаниями по существу «скрепляет» или «сглаживает», а также нередко может попытаться восполнить нарушения уголовно-процессуального закона. При этом «неудобные» вопросы защиты активно снимаются судом.

Доводы объемных и увесистых апелляционных жалоб стороны защиты, в которых указывается на необходимость признания показаний свидетеля недопустимыми в виду служебной или иной личной заинтересованности следователя в исходе уголовного дела, даже с отсылками на нормативно-правовые акты органов предварительного расследования о премировании и иных поощрениях, суды апелляционной инстанции единогласно не признают, указывая на то, что допрос свидетеля был осуществлен по ходатайству стороны защиты в рамках состязательного судебного разбирательства. При изучении кассационной и надзорной практики судов по уголовным делам о преступлениях против правосудия нет ни одного признания допроса свидетеля.

Круг свидетелей по уголовным делам о преступлениях против правосудия крайне невелик, что свидетельствует о повышенной латентности данной разновидности преступлений, ограничиваясь собственно работниками канцелярии суда, участниками судебного заседания, отде-

ла полиции, следственного отдела, заключенными камеры (ст. 313 УК РФ) и т. д.

В криминалистической науке отмечается, что у свидетеля может быть свой личный интерес как криминального, так и некриминального характера для искажения или несообщения сведений об известных ему обстоятельствах, которые подлежат доказыванию по делу.

При этом особая сложность производства следственных действий данной категории дел обусловлена наличием спецсубъектов, имеющих в соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ свидетельский иммунитет — судья, присяжный заседатель, адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого. Ответы данных свидетелей имеют достаточно осторожный характер, даются в форме простых предложений. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения не используются. Допрашивающие знают «подводные камни» производства допросов, будучи в статусе допрашиваемых, в связи с чем допрос данных лиц представляет особую сложность. В поведении данных свидетелей наблюдается следование допрашиваемого режиму сверхбдительности. Данные обстоятельства обусловлены необходимостью соблюдения норм актов корпоративного сообщества (к примеру, Кодекса профессиональной этики адвоката, Кодекса судейской этики и т. д.).

В последнее время стала прослеживаться тенденция о допросе свидетеля - судьи с использованием системы видеоконференц-связи, то есть не в очной форме в ходе судебного заседания, которое проходит в открытом режиме, поскольку в силу ст. 241 УПК РФ данная категория уголовных дел не отнесена к закрытым судебным процессам. Парадоксально, что при допросе свидетеля - судьи, данное лицо дает показания в основном, не стоя, а сидя за столом, не испрашивая на то разрешения у председательствующего соответствующего разрешения в порядке ч. 2 ст. 257 УПК РФ. Автору неизвестно о случаях принятия председательствующим каких-либо мер воздействия на свидетеля-судью за подобные нарушения порядка в судебном заседании в порядке ст. 258 УПК РФ.

В силу императивной нормы п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь обязательно указывает «перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания». На практике обвинительные заключения по уголовным делам о преступлениях против правосудия, совершенных рядовыми гражданами не содержит более 5–7 свидетелей. Отчасти данное обстоятельство обусловлено тем, что в структуре преступлений против правосудия преобладают преступления небольшой и средней тяжести, то есть не

тяжкие и не особо тяжкие преступления, в связи с чем длительный срок предварительного следствия не предусмотрен. Вместе с тем в случае совершения преступления против правосудия лицом, являющимся защитником, адвокатом, сотрудником правоохранительных или судебных органов, число свидетелей в обвинительном заключении начинается с 8–10 свидетелей, но не более 20 лиц.

В одном уголовном деле в отношении Х. обвинительное заключение содержало указание на протоколы допросов 32 свидетелей обвинения, однако, в судебное заседание сторона государственного обвинения обеспечила явку всего 5 свидетелей, которые и были допрошены судом, в то время как ходатайство стороны защиты о вызове и допросе 11 свидетелей защиты, заявленных стороной защиты при составлении протокола в порядке ст. 218 УПК РФ было полностью отклонено. И даже отдельное ходатайство стороны защиты Х. о допросе в качестве свидетеля – лица, на основании заявления которого и было возбуждено уголовное дело, явку которого государственное обвинение ранее не обеспечило, суд также отказал, сославшись в тексте протокола судебного заседания на «отсутствие предоставления стороной защиты данных о необходимости допросить данное лицо». При этом суд апелляционной инстанции в апелляционном приговоре Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда по итогам рассмотрения уголовного дела № 1-851/2018, отменяя обвинительный приговор Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга и провозглашая оправдательный апелляционный приговор, пришел к выводу, что из всех 5 допрошенных свидетелей по делу, показания ни одного не изобличают осужденного Х. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 294 УК РФ.

Таким образом, автору представляется методически неэффективным отдавать предпочтение личным доказательствам как средству доказывания по категории дел о преступлениях против правосудия, то есть объяснениям сторон и третьих лиц, показаниям свидетелей, которые представляются следователю и суду в устной форме с последующей фиксацией в протоколе следственного и судебного заседания соответственно. Полагаю, что криминалистическая организация расследования данной категории уголовных дел при соблюдении требований ст. 17 УПК РФ должна строиться на максимальной объективизации доказательств, приоритете материальных доказательств над личными доказательствами, использовании свидетельских показаний не как основных доказательств, а в качестве субсидированных.

Список литературы:

1. Ульпиан. Титул I. О справедливости и праве [Электронный ресурс] / Ульпиан // Режим доступа: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 19.12.2020).
2. Сатерленд, Э. Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э. Х. Сатерленд // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с английского. — М.: Прогресс, 1966. — С. 45–59.
3. Криминалистика: Учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; Под ред. Р. С. Белкина. — М.: Издат. группа НОРМА — ИНФРА-М, —1999. — 971 с.
4. Кульберг, Я. М. Преступления против правосудия / Я. М. Кульберг. — М.: Госюриздат, 1962. — 62 с.

СПИСОК АВТОРОВ

1. **АЛЕКСАНДРОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ** (Россия, Нижний Новгород), профессор кафедры уголовного процесса Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

2. **БЕЛОКОВЫЛЬСКИЙ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ** (Россия, Москва), аспирант кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики им. Н. В. Радутной ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

3. **ВАТУТИНА ОКСАНА ЮРЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат, член ННО «АК «АЛИБИ».

4. **ЗАШЛЯПИН ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

5. **КОВАЛЕВА МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заместитель председателя Пушкинского районного суда Санкт-Петербурга, кандидат юридических наук.

6. **КОВТУН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ** (Россия, Нижний Новгород), профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

7. **КОНИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), старший инспектор отдела полиции на воздушном транспорте Западного линейного УМВД России на транспорте, старший лейтенант полиции.

8. **КОНИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

9. **КУЗНЕЦОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ** (Россия, Новокузнецк), адвокат, Коллегия адвокатов г. Новокузнецка Кемеровской области № 42/48.

10. **МАШОВЕЦ АСИЯ ОКЕАНОВНА** (Россия, Екатеринбург), профессор кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент.

11. **НАСОНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ** (Россия, Москва), доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), адвокат АП г. Москвы, кандидат юридических наук.

12. **ПАНЬКИНА ИНГА ЮРЬЕВНА** (Россия, Калининград), доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат юридических наук, доцент.

13. **СИДОРЕНКО ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

14. **СТРЕЛКОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Москва), адвокат АБ «Сословие» АП г. Москвы, кандидат юридических наук.

15. **ТРОФИМОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Калининград), аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта.

16. **ЭЙВАЗОВ АЛЕКСАНДР ХИКМЕТОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры заочной формы обучения Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Научное издание

ДОПУСТИМОСТЬ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Сборник статей по материалам
Всероссийского круглого стола
19 декабря 2020 года

Ответственный редактор и составитель:

Зашляпин Леонид Александрович,

доцент кафедры уголовно-процессуального права

Северо-Западного филиала Российского государственного универ-
ситета правосудия, кандидат юридических наук.

Технический редактор: *И.А. Белова*

Корректор: *Т.А. Петрова*

ЦНИТ «Астерион»

Подп. в печать 22.02.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Заказ № 30. Бумага офсетная. Печ. л. 5,5. Тираж 500.

191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61

e-mail: asterion@asterion.ru <http://www.asterion.ru>

https://vk.com/asterion_izdatelstvo